

Лягушки

Автор:

Мо Янь

Лягушки

Мо Янь

Литературные хиты: Коллекция

История Вань Синь – рассказ о том, что бывает, когда идешь на компромисс с совестью. Переступаешь через себя ради долга.

Китай. Вторая половина XX века. Наша героиня – одна из первых настоящих акушеров, благодаря ей на свет появились сотни младенцев. Но вот наступила новая эра – государство ввело политику «одна семья – один ребенок».

Страну обуял хаос. Призванная дарить жизнь, Вань Синь помешала появлению на свет множества детей и сломала множество судеб. Да, она выполняла чужую волю и действовала во имя общего блага.

Но как ей жить дальше с этим грузом?

Мо Янь

Лягушки

Mo Yan

Frog

* * *

All rights reserved.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2009, Mo Yan

© Егоров И., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Часть первая

Уважаемый сенсей Йошихито Сугитани,

Прошло всего несколько месяцев, как мы расстались, но у меня как сейчас перед глазами дни, проведенные вместе с утра до вечера в моих родных местах. Мы глубоко тронуты тем, что, несмотря на преклонные года и немощь, Вы пересекли моря и страны и приехали сюда, в эти отсталые, глухие места, чтобы живо побеседовать со мной и местными любителями литературы. Ваш обстоятельный доклад на тему «Литература и жизнь», с которым Вы выступили перед нами на второй день нового года утром в актовом зале уездного гостевого дома, мы записали на магнитофон и уже перенесли на бумагу. Это позволит осуществить нашу мечту: напечатать его ограниченным тиражом в журнале «Вамин»[1 - Досл. «лягушачье кваканье».], уездном издании по литературе и искусству, чтобы те, кто не смог в тот день прослушать Ваше выступление, тоже получили

возможность изведать изящество Вашей речи и получить пользу от Ваших наставлений.

В то утро мы вместе сходили навестить мою тетушку по отцу, более пятидесяти лет проработавшую акушером-гинекологом. Говорит она очень быстро, да еще с ярко выраженным местным говорком, поэтому Вы наверняка не все поняли из ее рассказа, но Вы ему поверили, и это, конечно, произвело на Вас глубокое впечатление. В своем выступлении на второй день нового года Вы неоднократно приводили ее в качестве примера, чтобы проиллюстрировать свои литературные взгляды. Вы говорили, что у Вас в голове уже сформировался образ женщины-врача, которая мчится на велосипеде по скованной льдом реке; с медицинской сумкой за плечами и зонтиком в руке, закатав штанины, шагает вперед, несмотря на кишащих вокруг лягушек; измазанными в крови руками со звонким смехом принимает ребенка; беспокойно курит в небрежно накинутом халате... Эти образы в Вашей речи то составляли одно целое, то разбивались каждый по отдельности, словно набор изваяний одного и того же человека. Вы вдохновляли любителей литературы нашего уезда на то, чтобы на основе жизни моей тетушки создать волнующие произведения – повесть, поэму, пьесу. Какой творческий энтузиазм Вам удалось поднять, сенсей, сколько людей загорелись желанием это осуществить! Один собрат по перу из уездного дома культуры уже пишет роман о деревенской акушерке. Не хочу перебегать ему дорогу, хоть я в биографии тетушки разбираюсь куда больше, чем он, но раз уж пишет, пусть пишет. Я, сенсей, задумал написать о жизни тетушки пьесу. Когда вечером того второго дня нового года мы сидели рядом на кане[2 - Кан – отапливаемая лежанка в традиционном китайском доме.] и вели оживленную беседу, Вы дали высокую оценку пьесам французского писателя Сартра и подробнейшим образом анализировали их со своей оригинальной точки зрения, и меня точно осенило, будто завеса с глаз упала! Я должен написать замечательную пьесу, такую как «Мухи», «Грязными руками», решительно устремиться к цели великого драматурга. Я следовал Вашему наставлению: не надо торопиться, мало-помалу, терпеливо, как лягушка, сидящая на листе лотоса и поджидающая какую-нибудь козявку; а обдумав, браться за кисть, стремительно, как лягушка прыгает за этой козявкой.

Когда я провожал Вас в аэропорту Циндао, Вы выразили надежду, что я сообщу Вам историю тетушки в виде письма. Тетушкина жизнь еще не завершилась, но ее уже можно описывать такими возвышенными выражениями, как «величественная и грандиозная», «нестабильная и колеблющаяся». Историй про нее столько, что не знаю, какой длины получится это письмо. Вы меня, пожалуйста, извините, но позвольте уж, я буду писать как придется, докуда

допишу, и хорошо, как долго смогу писать, столько и напишу. В эпоху компьютеров писать письма кистью на бумаге уже стало считаться расточительством, но это и радость. Так что хочется, чтобы Вы, получая мои письма, тоже могли испытывать радость, как в стародавние времена. Заодно сообщаю, что мне сказал по телефону отец: в двадцать пятый день первого месяца на старой сливе у нас во дворе, той, про которую Вы из-за ее причудливой формы сказали, что она «брызжет талантом», распустились красные цветы. Множество людей приходит к нам во двор полюбоваться ею, тетушка тоже приходила. Отец говорит, что в тот день случился большой снегопад, пушистые снежинки пахнут цветами сливы, и аромат стоит такой, что сразу проясняется в голове.

Ваш ученик Кэдоу (Головастик)

21 марта 2002 года,

Пекин

1

В наших краях, сенсей, издавна повелось нарекать ребенка при рождении какой-нибудь частью тела или органом. Например, Чэнь Би (Нос), Чжао Янь (Глаз), У Дачан (Толстая Кишка), Сунь Цзянь (Плечо)... Отчего так повелось, я не разбирался, наверное, склад ума такой, когда считают, что чем дряннее имя, тем дольше жизнь, или матери так головой подвигаются, что, мол, ребенок – кусочек плоти ее. Теперь это не в ходу, молодые родители не желают называть детей такими странными именами. Нынче у нас по большей части выбирают имена изящные и своеобразные, как у героев гонконгских, тайваньских и южнокорейских телесериалов. Дети, которых когда-то называли по частям тела, в основном поменяли имена на более благозвучные, но есть и такие, кто не поменял, как, например, Чэнь Эр (Ухо) или Чэнь Мэй (Бровь).

С отцом Чэнь Эр и Чэнь Мэй – Чэнь Би, другом моего детства, мы учились в начальной школе. Осенью 1960 года мы поступили в начальную школу Даянлани. Время было голодное, и все события, глубоко врезавшиеся в память, по большей части связаны с едой. К примеру, как в случае, когда мы ели уголь, я об этом

когда-то рассказывал. Многие считают, что это мои досужие выдумки, я же клянусь именем моей тетушки: никакие это не выдумки, все именно так и было.

Это была целая тонна высококачественного угля с шахты Лункоу, он посверкивал, а в расколотые места можно было смотреться как в зеркало. Такого прекрасного угля я никогда больше не видел. За ним ездил на телеге в уездный город искусный деревенский возница Ван Цзяо (Нога). С квадратной головой и толстой шеей, он заикался, метал злобные взгляды, когда говорил, и лицо его багровело от злости. Его сын Ван Гань (Печенка) и дочка Ван Дань (Желчный Пузырь), двойняшки, учились вместе со мной. Ван Гань высоченный, а Ван Дань – из тех миниатюрных девочек, которые так никогда и не вырастают – грубо говоря, коротышка. Все говорили, что в утробе матери Ван Гань урывал себе все питание, вот Ван Дань и не росла. Во время выгрузки угля как раз закончились уроки, и все с ранцами за плечами окружили это место: поглазеть на происходящее. Ван Цзяо большой железной лопатой сгребал уголь с телеги. С шумом сыпался кусок за куском. Шея у Ван Цзяо взмокла, и он стал вытирать ее завязанным на поясе куском синей ткани. При этом он заметил сына и дочку и заорал: «Домой давайте, косить надо!»

Ван Дань повернулась и припустила бегом – бежала она, переваливаясь с боку на бок, будто центр тяжести у нее был неустойчивый, словно она только что научившийся ходить ребенок, но получалось очень мило. Ван Гань же укрылся позади всех, но не ушел. Работой отца он очень гордился. Теперешние школьники, даже если у них отцы самолетами управляют, не испытывают такой гордости, как тогда Ван Гань. Эх, большая телега, с каким грохотом ты несешься, вздымая колесами клубы пыли! В твоей упряжке бывший армейский жеребец с тавром на крупе, он когда-то возил вьюки со снарядами, говорят, имеет боевые заслуги. Пристяжным у него норовистый мул, этот может лягнуть и поранить, да и кусаться горазд. Норовом он хоть и скверный, но силен неимоверно и бежит резво. Совладать с этим бешеным мулом один Ван Цзяо и может. Многие из деревенских завидуют его положению, но, завидев мула, отступают в сторону. Этот мул уже двоих детей покусал: Юань Сая (Щека), сына Юань Ляня (Лицо), а другой оказалась Ван Дань. Когда телега стояла у ворот их дома, она подошла к мулу поиграть, а тот цапнул ее зубами за голову.

Мы все благоговели перед Ван Цзяо. Ростом метр девяносто, широченные плечи, сильный как бык, ухватит каменный каток весом две сотни цзиней[3 - Цзинь – мера веса, 0,5 кг.] и поднимает над головой. Но более всего нас восхищал его волшебный кнут. В тот раз, когда этот бешеный мул укусил Юань Сая за голову,

он поставил телегу на тормоз, встал, расставив ноги, с обеих сторон оглоблей и принялся орудовать кнутом, охаживая мула по крупу и оставляя после каждого звонкого удара кровавую полосу. Поначалу мул еще взбрыкивал, но через какое-то время задрожал всем телом, рухнул на передние ноги, опустив голову и задрал излупцованный зад, и стал грызть землю. Тут отец Юань Сая, Юань Лянь, взмолился: «Ты уж пощади его, старина Ван!» Только тогда разъяренный Ван Цзяо остановился. Юань Лянь – секретарь партячейки, самый большой начальник в деревне, его Ван Цзяо не мог послушаться. А когда этот бешеный мул укусил Ван Дань, мы предвкушали еще одно представление, но Ван Цзяо кнут в ход не пустил. Он зачерпнул пригоршню извести из кучи у дороги, насыпал на голову Ван Дань и отнес ее домой. Мула не тронул, зато вытянул кнутом жену и дал пинка Ван Ганю. Размахивая руками, мы оживленно обсуждали гнедого буяна. Худющий, кожа да кости, глубокие – куриное яйцо поместится – впадины над глазами. Взгляд горестный, будто того и гляди расплачется. Мы представить не могли, что в этом тщедушном теле может скрываться такая силища. Болтая, мы приближались к мулу, пока Ван Цзяо не перестал сгружать уголь и не уставился на нас таким свирепым взглядом, что мы один за другим отступили. Гора угля перед школьной столовой росла, а на телеге его становилось все меньше. Мы не сговариваясь принялись втягивать носами воздух, потому что ощутили странный аромат. Пахло горячей канифолью, а еще жареной картошкой. Обоняние заставило нас обратить взоры на кучу блестящих кусков угля.

Ван Цзяо хлестнул упряжку, и телега тронулась со двора. Но мы не устремились вдогонку, как раньше, чтобы попрыгать вволю, рискуя получить кнутом по голове. Наши остановившиеся взгляды постепенно переместились на кучу угля. Мимо, с двумя ведрами воды враскачку, проходил повар, почтенный Ван. Его дочь Ван Жэньмэй тоже училась вместе с нами, а впоследствии стала моей женой. Ее – большая редкость в то время – не называли какой-нибудь частью организма, потому что повар Ван – человек образованный. Раньше он был заведующим животноводческой станцией коммуны, но потом за неподобающие речи его сняли с должности и вернули в родную деревню. Почтенный Ван с подозрением глянул на нас. Неужели подумал, что мы рванемся на кухню, чтобы стянуть что-нибудь съестное? Потому что он прикрикнул: «А ну катитесь отсюда, щенки! Поесть вам здесь нечего, домой вернетесь, у мамки сиську пососите». Мы, конечно, услышали, что он сказал, даже поразмыслили над его предложением, но он явно просто отругал нас. Нам всем уже по семь-восемь лет, какое грудное молоко? Мы бы его и попили, но откуда ему взяться у наших матерей, полуживых от голода, с обвисшими грудями? Но никто с ним даже спорить не стал.

Мы стояли перед кучей угля, опустив головы и наклонившись, словно геологи-любители, обнаружившие некий странный минерал; мы принюхивались, как собаки, наткнувшись на развалинах на что-то съестное. Тут нужно прежде всего поблагодарить Чэнь Би, а еще Ван Дань. Именно Чэнь Би первым поднял кусок угля, поднес себе под нос и нахмурился, словно обдумывал нечто важное. Его нос – большой, с горбинкой – всегда был объектом наших насмешек. Подумав, он с силой ударил куском, который держал в руке, о другой кусок побольше. Уголь звонко раскололся, и вокруг разнесся сильный аромат. Чэнь Би подобрал отколовшийся кусочек, другой подняла Ван Дань. Он лизнул его, оценивая на вкус, и обвел нас округлившимися глазами; она по его примеру тоже лизнула уголек, глядя на нас. Потом они переглянулись, хихикнули и не сговариваясь осторожно откусили немного передними зубами, пожевали, потом откусили еще, яростно жуя. Их лица осветились радостью. Большой нос Чэнь Би покраснел и покрылся капельками пота. Носик Ван Дань почернел от угольной пыли. Мы словно замороженные слушали, как хрустят у них на зубах кусочки угля. И, раскрыв рот, следили, как они стараются их проглотить. В конце концов им это удалось. «Ребята, вкусно!» – приглушенным голосом проговорил он. «Братцы, налетай быстрее!» – громко пискнула она. Схватив еще один кусок, он принялся жевать еще яростнее. А она ухватила ручонкой кусок побольше и подала Ван Ганю. Мы принялись, как они, раскалывать большие глыбы, собирать осколки, пробовать. Уголь скрипел на зубах, но на вкус был неплох. «Вот так надо есть, народ, так вкуснее», – подняв вверх кусок угля, бескорыстно делился с нами опытом Чэнь Би. «Вот здесь вкусно, сосной пахнет», – говорил он, указывая на полупрозрачные, желтоватые места, похожие на янтарь.

У нас уже шли уроки природоведения, и мы знали, что уголь образовался много веков тому назад в погребенных в земной коре лесах. Природоведение у нас вел директор школы У Цзиньбан. Его объяснениям мы не верили, не верили и тому, что написано в учебнике. Леса ведь зеленые, как они могут превратиться в черный уголь? Мы считали его рассказы и написанное в учебнике ерундой. И только обнаружив, что от угля пахнет сосной, мы поняли, что директор не обманывает и учебник тоже. В классе нас тридцать пять учеников, и, кроме двух девчонок, все в сборе. Каждый держал в руках кусок угля, со скрежетом кусая, с хрустом жуя, и на лицах светились возбуждение и таинственность. Мы будто проводили импровизированное представление, словно играли в какую-то диковинную игру.

Сяо Сячунь (Нижняя губа) вертел кусок угля в руках, но не ел, и лицо его выражало презрение. Не ел он уголь, потому что не хотел есть, а не хотел есть,

потому что его отец был кладовщиком на продовольственном складе коммуны. С измазанными в муке руками выбежал изумленный повар Лао Ван. Силы небесные, да у него все руки в муке! В те времена помимо директора нашей школы и завуча в школьную столовую ходили еще и двое живущих в деревне ганьбу – ответственных партработников коммуны. «Дети, что вы делаете? – спросил он. – Вы... уголь едите? Разве его можно есть?» Ван Дань подняла ручонками большой кусок и пропищала: «Вкуснятина, дядюшка, вот попробуй». Тот замотал головой: «Ван Дань, такая маленькая, а туда же, безобразничать с этими озорниками». – «Правда, вкусно, дядюшка», – с этими словами Ван Дань откусила еще кусочек. Уже спустились сумерки, солнце клонилось к западу. Прикатили на велосипедах столовавшие здесь партработники. Они тоже обратили на нас внимание. Лао Ван стал было разгонять нас, размахивая коромыслом. Его остановил ганьбу по фамилии Янь – вроде он был заместителем управляющего, некрасивый такой. Махнув рукой, он повернулся и проскользнул на кухню.

На другой день в классе мы слушали учителя и жевали уголь. Губы черные, уголки ртов в угольной пыли. Жевали не только мальчики, не присутствовавшие накануне на празднике поедания угля девочки по примеру Ван Дань тоже принялись есть. Дочь повара Лао Вана – моя первая жена – Ван Жэньмэй ела с удовольствием. Сейчас я вспоминаю, что хроническим парадонтитом она, наверное, была обязана тому, что у нее весь рот был в крови, когда она ела уголь. Учительница Юй написала на доске несколько строчек и повернулась к нам. Сперва она спросила своего сына, нашего одноклассника Ли Шоу: «Шоу, что это вы едите?» – «Это мы уголь едим, мама». – «Учительница, мы уголь едим, хотите попробовать?» – Это громко выкрикнула – ее громкий крик походил на верещание маленькой обезьянки – со своего места в первом ряду Ван Дань. Сойдя с кафедры, учительница взяла у нее кусок угля, поднесла под нос и вроде бы понюхала. Довольно долго молчала, а потом вернула его Ван Дань. «Ребята, – сказала она, – сегодня начинаем урок шестой, „Ворона и лисица“. Ворона раздобыла кусок мяса и очень довольная уселась на ветку дерева. Оказавшаяся под деревом лисица сказала ей: „Как прекрасно ты поешь, госпожа Ворона, когда ты поешь, всем птицам мира приходится закрывать рот“. От лисицыной лести у вороны закружилась голова, она раскрыла клюв и каркнула, мясо выпало – и прямо лисице в рот». Вслед за учительницей мы прочитали весь текст вслух, повторяя за ней черными как вороново крыло губами.

Наша учительница человек образованный, а вот, уважая обычаи наших мест, взяла и назвала своего сына Ли Шоу. Отлично учившийся Ли Шоу впоследствии поступил в медицинский институт, а по окончании работал хирургом в уездной

больнице. Когда Чэнь Би отхватил себе четыре пальца соломорезкой, три из них Ли Шоу ему пришил.

2

Почему Чэнь Би родился с большим носом, не таким, как у всех? Наверное, это может объяснить только его мать.

Отец Чэнь Би, Чэнь Э (Лоб), второе имя – Тяньтин (Переносица), был в нашей деревне единственным обладателем двух жен. Чэнь Э изрядно знал грамоту, до Освобождения[4 - То есть до 1949 года, когда в Китае победили коммунисты.] владел сотней му[5 - Му – мера площади, 1/15 га.] отличной земли, открыл винокурню, а еще торговал в Харбине. Старшая жена у него была местной, родила ему четырех дочерей. Перед Освобождением Чэнь Э сбежал, потом, году в тысяча девятьсот пятьдесят первом, Юань Лянь с двумя ополченцами арестовал его где-то на северо-востоке. В бега он ударился один, жену и дочерей бросил дома, а вернулся с женщиной, светловолосой и голубоглазой. На вид лет тридцать с небольшим, и звали ее Ай Лянь. В руках она держала пеструю собачонку. Эта женщина заключила с Чэнь Э брак еще до Освобождения, поэтому у него получилось две законные жены. Несколько деревенских холостяков из бедноты были крайне недовольны этим и наполовину в шутку, наполовину всерьез требовали, чтобы он отдал одну им в пользование. Чэнь Э зубоскалил, но по выражению лица было не разобрать, плачет он или смеется. Поначалу обе жены жили в одном дворе, но потом начались потасовки и жуткие скандалы, и через Юань Ляня было достигнуто согласие, что младшая жена займет две пристройки рядом со школой. В здании школы раньше располагалась винокурня семьи Чэнь Э, и эти две пристройки тоже принадлежали его семье. Чэнь Э договорился с женами, что будет жить с ними по очереди. Собачонку, которую привезла с собой на руках светловолосая женщина, затюкали местные псы, и она сдохла. Похоронила ее Ай Лянь, когда уже ходила с большим животом, и вскоре после этого родился Чэнь Би. Поэтому и стали говорить, что Чэнь Би – перевоплощение той пестрой собачонки. Он обладал отменным нюхом, так что, возможно, какая-то связь и была. Тетушка моя в то время уже изучала в уезде новые методы родовспоможения и стала первой в округе профессиональной акушеркой. Шел тысяча девятьсот пятьдесят третий год.

В том году деревенские жители еще сопротивлялись родам по-новому из-за вздорных сплетен, которые распускали повитухи. Они говорили, что дети, рожденные по-новому, могут стать умственно отсталыми. Почему они распускали эти слухи? Да потому, что как только новые методы получают распространение, они лишаются заработка. За рождение ребенка они могли поесть до отвала в доме роженицы, а кроме того, получить два махровых полотенца и десяток яиц. При одном упоминании об этих повитухах тетушка начинала скрипеть зубами. Она говорила, что просто не представляет, сколько младенцев и рожениц погубили эти старые ведьмы. И описывала свои жуткие впечатления. Почти все эти повитухи отпускали длинные ногти, в глазах у них сверкал дьявольский зеленый огонь, а изо рта шел тошнотворный запах. По словам тетушки, они давили животы беременных скалками. А еще затыкали рот роженицам тряпками, будто ребенок мог выскочить через рот. Тетушка говорила, что у них нет ни малейших знаний по анатомии, и они совершенно не разбирались в физиологическом строении женского организма. Столкнувшись с трудными родами, они могли засунуть руку в родовые пути и тянуть изо всей силы, так, что, бывало, плод вместе с маткой вытаскивали. Довольно долгое время, предложи мне отобрать самых ненавистных людей, чтобы поставить к стенке, я не задумываясь сказал бы – повитухи. Впоследствии я стал понемногу понимать, отчего тетушка так горячилась. Подобные невежественные повитухи с их дикими методами наверняка существуют, но есть и опытные, постигшие на себе тайны женского организма. Повитухой, по сути дела, была моя бабка. Она была из тех, кто придерживался принципа «правления недеянием»[6 - «Править недеянием» – один из конфуцианских принципов, руководство народом одним лишь собственным примером.], полагая, что «тыква упадет сама, когда созреет», что хорошая повитуха должна больше подбадривать роженицу, а когда ребенок родился, отрезать ножницами пуповину, приложить негашеной извести, перевязать, и этого достаточно. Но таких, как бабка, повитух не очень-то жаловали, их считали лентяйками. Людям, похоже, больше нравились те, что суетились, носились туда-сюда и орали благим матом, обливаясь потом, как и сами роженицы.

Тетушка – дочь старшего брата моего деда. Дед был врачом в Восьмой армии[7 - Восьмая армия – значительное военное соединение времен антияпонской войны (1937–1945) и последующего военного противостояния с силами националистов (1946–1949) под контролем коммунистов.]. Сначала изучал китайскую традиционную медицину, а в армии стал учиться европейской у Нормана Бэтьюна[8 - Норман Бэтьюн (1890–1939) – канадский врач, во время антияпонской войны лечил больных крестьян и раненых бойцов Восьмой армии. Его преданностью китайскому народу восхищался Мао Цзэдун.]. После кончины

Бэтьюна дед сильно переживал, серьезно занемог, у него стало плохо с глазами, он вспоминал о доме, о матери. Руководство разрешило ему вернуться в родные края подлечиться. Когда он вернулся, прабабушка была еще жива. Стоило ему войти в дверь, как он услышал аромат супа из фасоли. Это прабабушка поторопилась намыть котел фасоли и поставить на очаг. Невестка хотела ей помочь, но та своим кривым посохом оттянула ее в сторону. Прадед уселся на порожек в томительном ожидании. Тетушка тогда уже себя помнила и, когда ей предлагали: «скажи „дядя“», не говорила, а пряталась за спину матери, поглядывая оттуда. Она сызмальства слышала, как мать с бабкой говорили о дяде, и вот наконец увидела его, хотя он показался ей совсем чужим. Прадед сидел на пороге, лицо бледное, обросший, на шее вши. Из драной ватной куртки торчат клочья ваты. Бабка с прабабушкой подкладывали дров в огонь, а сами плакали. Вот суп и готов. Прадеду было невтерпеж, хоть горячий суп обжигал рот, он принялся торопливо хлебать его, держа чашку двумя руками. «Не торопись, сынок, – приговаривала прабабушка, – в котле еще есть!» Руки у прадеда тряслись. Он съел чашку, ему налили еще одну. После второй чашки трястись перестал. По вискам текли струйки пота. Глаза мало-помалу оживились, на лице появился румянец. В животе у него забурлило, будто жернова загрохотали. Через какое-то время он направился в туалет, и его прочистило так, будто все кишки наружу вывернуло. Потом постепенно поправился и пару месяцев спустя уже стал бодр и воспрянул духом.

Я сказал тетушке, что читал нечто подобное в «Неофициальной истории конфуцианцев»[9 - «Неофициальная история конфуцианцев» – китайский роман XVIII века, первое значительное произведение китайской литературы в жанре реалистической социальной сатиры.]. «А что это за история?» – спросила она. Я сказал, что это знаменитое произведение классической литературы. Тетушка аж глаза вытаращила: «Даже в знаменитых произведениях классической литературы есть об этом, а ты еще сомневаешься?!»

Поправившись, прадед вознамерился вернуться в горы Тайханшань в свою часть. «Сынок, – сказала ему прабабушка, – мне всего-то несколько дней жить осталось, проводи меня, а потом и ступай». А бабке самой сказать было неудобно, так она подучила тетушку. Та и сказала: «Папа, мама говорит, если хочешь, так ступай, но прежде оставь нам маленького братика».

В это время из Цзяодунского района к нам пришли люди из Восьмой армии и стали уговаривать прадеда примкнуть к ним. Как ученик Нормана Бэтьюна, прадед пользовался широкой известностью. Прадед сказал, что он из района

Шаньси, Чахар и Хэбэй. «Так мы же все коммунисты, – возразили цзяодунские, – не все ли равно, кто где работает? Нам здесь именно такого человека, как вы, и не хватает, почтенный Вань. Как бы то ни было, нам нужно тебя оставить. Как сказал командующий Сюй, возьмите большой паланкин с восемью носильщиками, привяжите его веревками, и кнутом, и пряником, но доставьте почтенного, как на банкет!» Вот так прадеда и оставили в Цзяодуне, где он стал основателем Сихайского подземного госпиталя Восьмой армии.

Этот подземный госпиталь действительно располагался под землей: палаты выходили в туннель и связывались между собой подземными ходами, там были и дезинфекционная камера, и лечебные помещения, и операционные, и палаты для выздоравливающих. Все это сохранилось до сего дня. Близ Лайчжоу, в деревеньке Чжуцзяцунь еще здравствует восьмидесятивосьмилетняя Ван Сюлань, она в те годы работала у прадеда санитаркой. Немало палат сообщались с поверхностью через колодцы. Бывало, в те времена пойдет молодая девушка по воду, а ведро с водой непонятно почему застряло. Наклонилась посмотреть, глядь, а из отверстия в стенке колодца молодой раненый боец Восьмой армии ей рожи корчит.

Слухи о высочайшем врачебном мастерстве прадеда быстро распространились по Цзяодуну. Именно он удалил осколок из плеча командующего Сюя, сделал операцию при тяжелых родах жене комиссара Ли, сохранив жизнь матери и ребенку. Слава о прадеде дошла даже до Сугитани, командира японского гарнизона города Пинду. Когда тот проводил карательную операцию, жеребец под ним подорвался на mine, и всадник, бросив коня, бежал. Прадед сделал коню операцию, и по выздоровлении на нем стал ездить командир полка Ся. Жеребец оказался привязанным к родным местам, перегрыз упряжь и сбежал назад в Пинду. Увидев, что он вернулся, Сугитани был немало удивлен и велел китайским предателям провести тайное расследование. Выяснилось, что у него под носом Восьмая армия построила целый госпиталь и начальником этого госпиталя является тот самый чудо-доктор Вань Люфу, который поставил на ноги почитай мертвого коня. Сугитани был из семьи медиков, разобрался, что к чему, и задумал переманить прадеда на свою сторону. С этой целью он прибегнул к коварному плану из «Троецарствия»[10 - «Троецарствие» – один из классических китайских романов.]: тайно подослал в наши места своих людей, которые связали прабабушку, бабу и тетушку и доставили в Пинду как заложников. А потом отправил прадеду письмо.

Прадед был убежденным коммунистом, прочитав письмо Сугитани, он помял его в руках и выбросил. Комиссар госпиталя Мэнь подобрал письмо и отправил в военный район. Командующий Сюй и комиссар Ли написали письмо Сугитани, гневно осудив его за эту подлость. В письме также говорилось, что если с головы близких Вань Люфу упадет хотя бы волосок, объединенные силы Цзяодунского района пойдут на штурм Пинду.

Тетушка вместе с прабабушкой и бабкой провела в Пинду три месяца, их кормили и поили и никто не обижал. Командующего Сугитани она описывала как белолицего молодого человека в очках с белой оправой и с небольшими усиками, расходящимися в стороны, как иероглиф «восемь». Он держался с ними вежливо, хорошо говорил по-китайски. Прабабушку называл старшей тетушкой, бабку – тетушкой, а ее – племянницей. Сугитани не производил на нее плохого впечатления. Конечно, тетушка говорила это по секрету только членам своей семьи и открыто в этом не признавалась. Вслух она заявляла, что они трое натерпелись от японцев пыток и жестоких наказаний, что им угрожали и пытались подкупить, но они держались твердо и непоколебимо.

Сенсей, всего о прадеде за три дня и три ночи не расскажешь, будет время – еще поговорим. Но о том, как он погиб, рассказать следует. По словам тетушки, он умер во время операции, которую проводил раненому бойцу в подземном туннеле, задохнувшись от пущенных врагами газов. Такую же версию можно найти в исторических материалах, выпущенных уездным Народным политическим консультативным советом[11 - Народный политический консультативный совет – совещательный орган при руководстве КНР, в который входят представители КПК, других партий, общественных организаций, деловых кругов, китайских диаспор за рубежом, видные общественные деятели.]. Но некоторые по секрету рассказывают, что с восемью гранатами за поясом прадед верхом на муле в одиночку отправился в Пинду, чтобы, подобно герою-одиночке, спасти жену, дочь и мать. Но, к несчастью, он попал на минное поле, устроенное ополченцами Чжаоцзяоу. Распространял эти сведения человек по имени Сяо Шанчунь (Верхняя губа), который служил в Сихайском госпитале носильщиком. Человек этот был со странностями, после Освобождения работал кладовщиком на зерновом складе коммуны, придумал некое очень действенное средство против крыс, а когда об этом написали в газете, срочно изменил в своем имени «чунь» – «губа» на «чунь» – «чистый»[12 - С этим иероглифом имя Сяо Шанчуня стало значить «очень чистый»]. Впоследствии выяснилось, что это его действенное средство в основном состояло из уже запрещенного к применению высокотоксичного пестицида. Этот человек имел зуб на тетушку, поэтому словам его веры не было. «Твой прадед указаний партии не слушал, бросил

раненых в госпитале, погеройствовать ему захотелось. Перед отъездом выпил для храбрости пару цзиней бататовой водки, так нарезался, что лыка не вязал, вот по глупости и нашел свою мину, – говорил мне Сяо Шанчунь, чуть ли не со злорадством скаля большие пожелтевшие зубы. – Его и мула разнесло на куски, и все это собрали в две корзины. В одной корзине и человеческая рука, и копыто мула, так потом в беспорядке в гроб и свалили. Гроб был, надо сказать, неплохой, в одном богатом семействе в деревне Ланьцунь конфисковали». Когда я потом пересказал эти его слова тетушке, у той аж глаза округлились от злости, и она, задохнувшись, выпалила: «Придет день, своими руками кастрирую сволочь эту!»

Мне она твердо сказала: «Ты всему этому можешь не верить, мальчуган, твой прадед – герой антияпонского Сопротивления, пламенный боец революции! На горе Линшань есть и его могила, а в мемориальном музее павших борцов выставлен скальпель, которым он пользовался, и его английские кожаные ботинки. Эти ботинки подарил ему перед смертью доктор Норман Бэтьюн».

3

Сенсей, историю прадеда рассказал бегом, чтобы уже не торопясь поведать о тетушке.

Тетушка родилась тринадцатого июня тысяча девятьсот тридцать седьмого года, в пятый день пятого лунного месяца, ее детское имя – Дуаньян[13 - Дуаньян – праздник Драконовых лодок, отмечается в пятый день пятого лунного месяца.], взрослое – Вань Синь. Имя ей предложил прадед – и с уважением к местным традициям, и с глубоким значением. После гибели прадеда прабабушка захворала там, в Пинду, и умерла. Благодаря активным действиям агентурной сети Цзяодунского района бабка и тетушка были вызволены. Их переправили в освобожденный район, тетушка пошла в начальную школу антияпонского Сопротивления, а бабка стала в пошивочной мастерской прошивать подошвы для тапок. После Освобождения для таких, как тетушка, потомков пламенных бойцов открывалось немало возможностей куда-то поехать, но бабка родные места покидать не хотела, а тетушке тяжело было с ней расстаться. Когда уездное начальство спросило тетушку, чем она хочет заниматься, она сказала, что желает пойти по стопам отца, и поступила в медицинское училище особого

района. Когда она его закончила, ей было всего шестнадцать, и она стала врачом в амбулатории городка. Уездное управление здравоохранения организовало курсы по новым методам родовспоможения, и тетушку послали учиться туда. С тех пор она связана с этим священным ремеслом неразрывными узами. Начиная с четвертого числа четвертого месяца 1953 года, когда она приняла первого ребенка, до прошлогоднего Праздника весны тетушка, по ее словам, помогла появиться на свет десяти тысячам малышей, а вместе с другими – двух считай за одного. Это она сама сказала. Думаю, десять тысяч – все же цифра несколько преувеличенная, но тысяч семь-восемь она приняла наверняка. У нее было семь учениц, среди них одна по прозвищу Львенок – волосы взъерошенные, плоский нос, квадратный рот, прыщавое лицо. Перед тетушкой она преклонялась, скажи ей тетушка убить кого, тут же схватила бы нож и убила бы, не раздумывая.

Я уже говорил, что тогда, весной 1953 года, многие женщины у нас противились родам по-новому. Да еще эти повитухи со своими тайными измышлениями и наветами. Тетушке хоть и было всего семнадцать, но благодаря приобретенному с детских лет незаурядному опыту, а также блестящему, как золото, происхождению, она уже имела у нас в дунбэйском Гаоми огромное влияние, и народ смотрел на нее как на важную персону. Она, конечно, и внешностью выделялась среди других. Я имею в виду не прическу, не лицо, не нос и не глаза, речь о зубах. В наших местах высоко содержание фтора, и у всех от мала до велика полон рот черных зубов. Тетушка же в детстве долго прожила в районе Цзяодун, пила воду из горных источников, да еще по примеру бойцов Восьмой армии научилась чистить зубы. Возможно, по этой причине зубы у нее не подверглись пагубному воздействию, и ее белозубому рту завидовали все, особенно девицы.

Первым ребенком, которого она приняла, стал Чэнь Би. Тетушка не раз выражала сожаление об этом. Говорила, что этим первым ребенком должен был быть потомок революционеров, никак не думала, что придется принимать помещичье отродье. Но в то время требовалось найти, как покончить с деторождением по-старому, и раздумывать было некогда.

Узнав о том, что Ай Лянь скоро разрешится от бремени, она вскочила на велосипед – редкость по тем временам, – закинула на плечо сумку с лекарствами и помчалась как ветер. Десять ли пути от фельдшерского пункта до нашей деревни она преодолела всего за десять минут. Жена секретаря деревенской партиячейки Юань Ляня как раз стирала белье на речке Цзяохэ и своими глазами

видела, как тетушка пронеслась мимо по узкому каменному мостику, а игравшая там собака с перепугу упала в воду.

Когда тетушка с сумкой в руках влетела в двухкомнатный флигель, где жила Ай Лянь, там уже была деревенская повитуха Тянь Гуйхуа. Этой старухе с заостренным личиком и впалыми щеками в то время было уже за шестьдесят, теперь давно уже во прахе лежит, амитофо! Она была из тех, кто активно вмешивается во все, и тетушка с порога увидела, как та, оседлав тело Ай Лянь, изо всех сил давит ей на вздувшийся низ живота. У этой старухи был хронический трахеит, ее тяжелое дыхание мешалось с визгом верещавшей как свинья под ножом роженицы, и это создавало героически-печальную атмосферу. Помещик Чэнь Э стоял в углу на коленях и раз за разом низкопоклоннически стучался головой в стену, бормоча что-то нечленораздельное.

В доме у Чэнь Би я был много раз и хорошо представляю, как у них все устроено. Флигелек из двух комнатушек, двери на запад, карнизы низкие, комнатки тесные. Сразу при входе очаг, за ним стенка в два чи[14 - Чи - мера длины, ок. 30 см.] высотой, за стенкой - кан. Вот тетушка, войдя, и увидела, что творится на кане. А увидев, была вне себя от ярости, по ее собственному выражению, разозлилась так, что «пламя взметнулось на три чжана»[15 - Чжан - мера длины, ок. 3,2 м.]. Отбросила сумку, одним махом рванулась вперед, ухватила старуху левой рукой за левое предплечье, правой - за правое, с силой потянула назад и сбросила ее с кана. Та стукнулась головой о ночной горшок, пролила его, и комната наполнилась вонью. На голове выступила черная кровь. Ранка вообще-то была пустяковая, но взвыла старуха с преувеличенным остервенением. Услышав такое, обычный человек мог бы и в обморок свалиться от страха, а тетушке хоть бы что, она человек бывалый.

Встав у кана, она натянула резиновые перчатки и строго сказала Ай Лянь: «Давай-ка не верещи, это делу не поможет. Хочешь остаться в живых, слушай, что я говорю, что велю, то и делай». Ошарашенная Ай Лянь, конечно, знала о славном происхождении тетушки и ее удивительном жизненном опыте. «Ты роженица великовозрастная, - разъяснила тетушка, - положение плода неправильное. У всех дети сначала головой идут, а твой сперва руку просунул, головой в сторону». Потом она не раз посмеивалась над Чэнь Би, мол, голова еще не вышла, а руку уже высунул, будто хотел выпросить чего у этого мира. И Чэнь Би неизменно отвечал: «Да поесть, поесть я просил!»

Тетушка хоть и первый раз принимала роды, но действовала с холодной головой. Взятась она за дело неторопливо, знала свое дело на ять и могла раскрыть способности на самом высоком уровне. Талантливый гинеколог, тетушка руководствовалась и интуицией, и тем, что подсказывали чувствительные руки. Все женщины, видевшие, как она принимает роды, или рожавшие с ней, испытывали к ней благоговейное уважение. Моя матушка при жизни не однажды говорила нам: «У вашей тетушки руки не такие, как у всех. У людей руки бывают холодные, бывают горячие, бывает, из них все валится, бывает, все в поту. А у вашей тетушки руки круглый год одни и те же – мягкие, прохладные, не то чтобы разболтанно мягкие, нет... Как бы тут выразиться...» На помощь пришел образованный старший брат: «Может быть, то, что называется „иголка в куче ваты“, „мягко стелет да жестко спат“?» «Вот-вот, – кивнула матушка. – Да и прохладные они у нее не как кусок льда, нет...» Образованный брат снова добавил за нее: «Это внутренний жар и внешний холод, это как шелк, как холод драгоценного камня». «Да-да, именно так, – кивнула матушка. – Стоит ей провести рукой по телу больного, на семь десятых болезнь уходит. В наших краях женщины тетушку чуть ли не боготворили».

Ай Лянь – женщина везучая, но в первую очередь она женщина умная. Как только руки тетушки коснулись ее живота, она сразу ощутила какую-то силу. Потом она всем встречным рассказывала, мол, тетушка что твой главнокомандующий. По сравнению с ней эта верещавшая рядом с ночной вазой старуха – просто клоун. Под вдохновением и потрясением от научного подхода тетушки и ее строгого отношения в голове Ай Лянь будто просветлело, она исполнилась мужества, пронизывающая боль в печени и легких, казалось, стала значительно меньше. Она перестала плакать, выполняла тетушкины распоряжения, делала движения, как велено, и произвела на свет большеногого младенца.

Чэнь Би родился бездыханный, и тетушка, подняв его, принялась шлепать по попе и по груди, пока тот не запищал как котенок. «И откуда у этого молодца такой носик? – дивилась она. – Ну чистый янки!» Тетушка была исполнена радости, словно завершивший свое изделие мастеровой. Изможденное лицо роженицы осветила улыбка. Тетушка была человек негибкий в классовом подходе, но, извлекая ребенка из родовых путей, она забыла о классах и классовой борьбе, испытываемая ею радость была чистой, непритворной.

Услышав, что жена разрешилась мальчиком, из угла поднялся Чэнь Э. В крайней растерянности он крутился туда-сюда в узком пространстве у очага. Из

иссохших глазниц каплями меда выкатились две дорожки слез. Ему было не выразить словами царившее в душе ликование. Сказать хотелось так много, но он и рта не смел открыть. Какие там ароматные свечи, какие предки, для таких, как он, грех даже помянуть такое.

– Раз ребенок с таким большим носом родился, пусть и зовется Чэнь Би! – обратилась к нему тетушка.

Она сказала так в шутку, но этот Чэнь Э, словно получив высочайшее повеление, закивал в поклоне: «Благодарствую за имя! Благодарствую за имя. Чэнь Би так Чэнь Би!»

В то время как он продолжал рассыпаться в благодарностях, а Ай Лянь умываться слезами, тетушка собрала свою сумку и хотела уходить. На глаза ей попала Тянь Гуйхуа. Та сидела перед разбитым ночным горшком, опершись спиной о стену, и будто спала. Тетушка и не заметила, когда та успела принять такую позу, и не помнила, когда прекратились ее душераздирающие вопли. Тетушке даже показалось, что у той уже и душа вон, но в полумраке блеснули зеленым, как у кошки, глаза, и она поняла, что старуха жива. У тетушки в душе поднялась волна гнева. «Как, ты еще здесь?!» – воскликнула она. «Половину работы я сделала, – наконец выдавила из себя старуха, – а половину ты; мне вообще-то полагается одно полотенце и пяток яиц. Но ты мне голову расколотила, глянь только. Но я в управу жаловаться не пойду, а ты за это должна положенным тебе полотенцем мне рану перевязать, а свой пяток яиц отдать мне на поправку». Только тут тетушка вспомнила, что эти повитухи вымогают у рожениц их добро, и ее охватило отвращение. «Стыд-то какой, совсем совести нет! Это какую такую половину работы ты сделала? – проскрежетала она сквозь зубы. – Если бы я дала тебе довести эту твою „работу“ до конца, сейчас на кане два трупа лежали бы! Ты, ведьма старая, считаешь, женское влагалище что куриная гузка, посильнее надавишь, яичко и выкатится? Это у тебя принимать роды называется? Убийство, вот что это такое! А ты еще жаловаться на меня вздумала? – И пнула старуху в нижнюю челюсть. – Еще полотенца, яйца ей подавай!» Пнув ее еще и в зад, тетушка схватила одной рукой сумку, а другой вцепилась в пучок волос у старухи на затылке и поволокла ее во двор. Чэнь Э выскочил следом, чтобы примирить их, но тетушка гаркнула на него: «А ну катись отсюда! Иди вон, жену обихаживай!»

По словам тетушки, она впервые в жизни кого-то ударила, даже не думала, что сможет вот так ударить человека. И отвесила старухе еще один пинок в зад. Та

перекатилась, уселась и, колотя руками по земле, завопила на всю округу: «Помогите! Убивают... Дочка бандита Вань Люфу жизни лишить хочет...»

Уже наступили сумерки, садилось солнце, в свете вечерней зари дул легкий ветерок, деревенские в это время по большей части ужинали, стоя во дворах с чашками в руках. На шум быстро собралась толпа. Подошли и секретарь партячейки Юань Лянь вместе с бригадиром большой производственной бригады Люй Я (Зубом). Тянь Гуйхуа приходилась Люй Я дальней родственницей, а, как говорится, ворон ворону глаз не выклюет, вот Люй Я и стал укорять тетушку: «Вань Синь, молодая девушка – и бьешь старушку, не совестно?»

«Надо знать, что за дрянь этот Люй Я, – пояснила нам тетушка. – Жену колотил, скотина, так, что она у него на четвереньках ползает, а еще осмеливается меня поучать!»

«Какая старушка? – взвилась тетушка. – Ведьма старая, одно зло от нее! Поспрошай-ка сам, каких она делов натворила! Сколько народу своей рукой на тот свет отправила! Да будь у меня, старой, пистолет, вмиг бы прикончила!» И, вытянув указательный палец правой руки, наставила в голову старухи. Тетушке тогда было всего семнадцать, и когда она назвала себя «старой», многих это рассмешило.

Люй Я хотел было вступить за Тянь Гуйхуа, но тут заговорил партсекретарь Юань Лянь: «Доктор Вань права, только такой строгостью и надо наказывать старых колдуний, которые шутят с человеческими жизнями! Ты, Тянь Гуйхуа, хватит дурака валять да бездельничать, считай, легко отделалась, в каталажку надо бы тебя отправить! Чтобы отныне все рожаящие посылали за доктором Вань! А ты, Тянь Гуйхуа, если еще хоть раз посмеешь роды принимать, все твои собачьи когти пообрубаем!»

По словам тетушки, этот Юань Лянь хоть и неграмотный, а разобрался, что к чему, умел восстанавливать справедливость, хороший партработник.

Сенсей, вторым ребенком, которого приняла тетушка, был я.

Когда матушке пришло время рожать, бабка, как у нее давно было заведено, вымыла руки и переоделась, зажгла перед табличкой предков три ароматные свечи, отбила три земных поклона и выставила из дома всех мужчин. Матушка рожала не впервые, передо мной были два старших брата и сестра. «Дело тебе знакомое, – сказала ей бабка, – вот сама потихоньку и рожай». – «Мама, неважно я себя чувствую, – пожаловалась матушка. – На этот раз совсем не так, как прежде». Бабка не восприняла это всерьез: «Что не так? Не цилиня[16 - Цилинь – мифический зверь, изображаемый в виде однорогого оленя, покрытого пластинами, как носорог; считается предвестником счастливых событий, дарует детей бездетным супругам.] же выродить собираешься?»

Матушкины предчувствия были верны. Братья и сестра появлялись головой вперед, а я сперва ногу высунул.

Увидев мою ногу, бабка просто обмерла от страха. Потому что в наших краях ходила присказка: «Коли ребенок ногой вперед, звать дух за недоимкой идет». Что за дух, взыскующий недоимку? А это значит, что в семье кто-то в прошлых поколениях кому-то задолжал. Вот этот заимодавец и перевоплощается в младенца, чтобы роженицу измучать по полной, он или умирает вместе с роженицей, или умирает, достигнув определенного возраста, принося таким образом этой семье значительные материальные потери и душевные страдания. Но бабка и виду не подала. «Этот ребенок скороходом вырастет, у какого-нибудь чиновника посыльным будет, – заявила она. – Не бойся, я знаю, как быть». Принесла со двора медный таз, встала перед каном и принялась колотить по нему скалкой. «Выходи, выходи! – выкрикивала она при этом. – Твой господин послал тебя со срочной вестью, не выйдешь, взбучку получишь...»

Почувствовав, что дело принимает серьезный оборот, матушка стала стучать в окно сметкой для кана и звать мою старшую сестру, которая во дворе прислушивалась к доносящимся из дома звукам: «Доченька, быстро беги за своей тетушкой!»

Сестра – девчонка смышленная – побежала в деревенскую управу и попросила Юань Ляня позвонить по телефону в фельдшерский пункт. Этот старинный телефонный аппарат с рукояткой я теперь храню у себя. Потому что он спас мне жизнь.

В тот день, шестого числа шестого месяца, на речке Цзяохэ случилось небольшое наводнение. Поверхность каменного моста оказалась под водой, но по разбивавшимся об него волнам все же можно было определить, где он находится. Удивший на реке рыбу зевака Ду Боцзы (Шея) своими глазами видел, как тетушка на всем ходу спустилась с дамбы на противоположном берегу. Колеса велосипеда поднимали волну больше метра. Если бы тетушку смыло бурлящим потоком, меня, сенсей, и не было бы.

Мокрая до нитки тетушка влетела в ворота.

Матушка говорит, что как только тетушка вошла в дом, она будто приняла таблетку успокоительного. Войдя, тетушка отпихнула бабку в сторону, язвительно бросив: «Вы, почтенная, такой грохот устроили, разве он осмелится выйти?» – «Маленьким детям шум нравится, – упорствовала бабка, – услышит грохот барабанов и гонгов, разве не высунется поглядеть?» Тетушка потом рассказывала, что ухватила меня за ножку, потянула как редьку, да так и вытащила. Я-то понимал, что это она шутит. После того как она приняла Чэнь Би и меня, наши матери стали добровольными агитаторами за нее. Они повсюду рассказывали о своем опыте, жена Юань Ляня и зевака Ду Боцзы тоже рассказывали всем подряд, как искусно тетушка гоняет на велосипеде, так что слава о ней гремела по всей округе, спрос на повитух вскоре пропал, и это стало историческим событием.

Время с 1953-го по 1957 год было периодом расширения государственного производства, благодатным временем расцвета экономики, в наших краях погода стояла благоприятная, и год за годом выдавался богатый урожай. Народ стал досыта есть, теплее одеваться, на душе было радостно, женщины наперегонки беременели и рожали. Тетушка в эти годы просто с ног сбилась. В восемнадцати деревнях дунбэйского Гаоми на каждой улочке, в каждом переулке остались следы шин ее велосипеда, почти во всех дворах сохранились следы ее ног.

Всего с 4 июня 1953 года по 31 декабря 1957 года тетушка приняла роды 1612 раз, помогла родиться 1645 младенцам. Мертвых было шестеро, но из этих шести пятеро – мертворожденные, а у одного было врожденное заболевание. Это был блестящий успех, близкий к идеальному.

17 февраля 1955 года тетушка вступила в Компартию Китая. В тот же день она еще и приняла своего тысячного младенца. Этим младенцем был мой

одноклассник Ли Шоу.

«Ваша учительница Юй – самая незакомплексованная роженица, – рассказывала тетушка. – Я ее внизу обихаживаю, а она – поди ж ты – книжку в руках держит, к урокам готовится».

В последние годы тетушка часто вспоминала те деньки. То было золотое время для Китая, золотое время и для нее. Уж не помню, сколько раз ее глаза загорались, когда она уносилась мыслями туда: «В то время я была живым бодхисатвой, я дарила детей матерям, от меня исходил аромат сотен цветов, вокруг меня кружили рои пчел, летало множество бабочек. А теперь только мухи, ети его, жужжат...»

Мои имена тоже она предложила: школьное – Вань Цзу (Нога) и детское – Сяо Пао.

Извините, сенсей, должен объяснить, что мое настоящее имя – Вань Цзу. Кэдоу – мой псевдоним.

5

Тетушка давно уже достигла возраста, когда поговаривают о замужестве. Но она сама зарабатывала себе на жизнь, столовалась за счет государства как госслужащий, да и происходила из такой прославленной семьи, что деревенские парни даже подумать о ней не смели. Мне тогда было уже пять лет, и я нередко слышал, как прабабушка с бабушкой обсуждают тетушкино замужество. «Ну вот скажи, невестушка, – озабоченно обращалась к ней прабабушка, – Синь-то уже двадцать два, ее одногодки по двое детей нянчат, а ей даже сватов никто не засылает!» – «Чего спешить, почтенная тетушка, – отвечала бабушка. – Такие, как Синь, могут и во дворец замуж выйти, императрицей сделаться! Тогда и ты свояченицей императора станешь, и мы императорской родней окажемся, вот уж наверняка с прибылью будем!» – «Ерунда это! – возражала прабабушка. – Император давно уже низложен, нынче народная республика, председатель у власти». – «Пусть и председатель у власти, вот мы за него Синь и выдадим». – «Ну что ты за человек, – злилась прабабушка, – сама в новом времени, а головой осталась до Освобождения». – «Я не ты, – отвечала бабушка. – Я в жизни нашей

тихой деревушки не покидала, а ты вон в освобожденные районы ездила, в Пинду побывала». – «Ты при мне про этот Пинду лучше не заговаривай, у меня от одного названия кожа на голове немеет! Меня туда японские дьяволы затащили, я там мучилась, а не наслаждалась!» Так у них за разговорами и до ссоры доходило. В первый день прабабушка так рассерчала, что ушла, словно никогда больше и видеть бабушку не желала, но на другой день вернулась. А матушка, глядя, как они обсуждают тетушкино замужество, всякий раз потихоньку посмеивалась.

Помню как-то ввечеру наша корова принесла теленка. Не знаю, то ли корова взяла с матушки пример, то ли теленок мне подражал, но он тоже стал выходить ногой вперед и застрял. Старая корова нетерпеливо мычала, видно было, как тяжело ей приходится. И дед, и отец места себе не находили, потирая руки и притопывая ногами, ходили кругами, не зная, что предпринять. Корова – основа жизни крестьянина, а эту тем более производственная бригада определила в нашу семью на содержание. Сдохнет, так хлопот не оберешься. Матушка шепнула моей старшей сестре: «Доченька, слышала я, твоя тетушка вернулась...» Та даже не стала ждать, что мать скажет дальше, и убежала. Отец раздраженно глянул на жену: «Ты соображаешь, что делаешь? Она же у людей роды принимает!» На что матушка бросила: «Человек, скотина – одна малина».

Тут за старшей сестрой появилась тетушка.

«Вы что, загонять меня до смерти хотите? – выпалила она сразу как вошла. – Я тут с ног сбилась у людей роды принимать, так еще у коров!»

«Кто ж виноват, что ты из нашей семьи, сестренка? – улыбнулась матушка. – К кому еще обращаться, как не к тебе? Люди тебя воплощенным бодхисатвой называют, а бодхисатва приходит ко всем, спасает всякого существа. Корова, она хоть и скотина, тоже живая тварь, разве ты сможешь не прийти на помощь умирающему!»

«Хорошо, что ты неграмотная, сестрица, – сказала тетушка. – Имей ты на две корзины знаний, как бы ужилась в тихой деревушке!»

«Да будь у меня знаний хоть на восемь корзин, и то не сравнится с пальцем на ноге моей сестренки», – парировала матушка.

На лице тетушки хоть и оставалось сердитое выражение, но она уже явно отошла. Стемнело, матушка зажгла имевшуюся в доме лампу, поправила фитиль и принесла в сарай.

Завидев тетушку, корова согнула передние ноги и опустилась на колени. При виде коленопреклоненной коровы у тетушки брызнули слезы из глаз.

Мы все тоже не смогли сдержать слез.

Осмотрев корову, тетушка сочувственно, но в шутку заключила: «Еще один вперед ногой идет».

Нас она выставила во двор, опасаясь, что увиденное шокирует. Слыша ее громкие распоряжения, мы пытались представить, как отец под ее руководством помогает корове родить. То был вечер пятнадцатого дня по лунному календарю, и когда на юго-востоке взошла луна, заливая ярким светом небо и землю, тетушка крикнула: «Ну вот, родился!»

Мы с радостными воплями рванулись в сарай, где обычно мололи муку, и увидели позади коровы маленькое тельце, покрытое липкой жидкостью. «Вот и славно, телочка!» – удовлетворенно воскликнул отец.

«Вот уж диво дивное, – раздраженно откликнулась тетушка. – Как женщина родит девочку, мужчины пригорюниваются; а как корова принесет телочку – улыбаются во весь рот!»

«Так телочка вырастет, может телят наплодить!» – сказал отец.

«А у людей что? Маленькая девочка вырастет, разве не сможет тоже детей нарожать?»

«Это дело другое», – сказал отец.

«И чего тут другого!» – не отступала тетушка.

Увидев, что она разволновалась, отец не стал больше с ней спорить.

Корова, повернувшись к телочке, вылизывала ее мокрое тельце. Ее язык, похоже, имел чудодейственное воздействие, придавая силу тем местам, где он прошелся. Все наблюдали за этим, вздыхая от нахлынувших переживаний. Глянув украдкой на тетушку, я увидел, как она стоит, раскрыв рот, и ее взгляд исполнен любви, словно это ее корова облизывает своим языком или она сама облизывает телочку. Когда корова облизала ее почти всю, телочка, дрожа, встала на ноги.

Мы нашли таз для умывания, налили воды, принесли мыло и полотенце, чтобы тетушка могла помыть руки.

Бабушка сидела у очага, раздувая мехами огонь, а матушка стояла перед каном и раскатывала тесто для лапши.

Помыв руки, тетушка заявила: «Умираю, как есть хочется! Сегодня в вашем доме поужинаю».

«А разве это и не твой дом?» – спросила матушка.

«Так-то так, – сказала бабушка. – Только вот она уже сколько лет ни разу ложки в котел не запускала».

Прабабушка в это время стояла у окружавшей двор стены и звала тетушку вернуться в дом и поесть. «Я же не задаром на вашу семью работаю, – отвечала тетушка. – Вот здесь и поужинаю». – «Тетка твоя завсегда переживает, – продолжала прабабушка. – Съешь у нее чашку лапши, так всю жизнь поминать будут». К стене с кочергой в руках подлетела бабушка: «Коли голодна, зайди да съешь чашку, а коли нет – катись отсюда». – «Не буду я ничего твоего есть», – отвечала та.

Когда лапша поспела, матушка положила с горкой большую чашку и велела старшей сестре отнести прабабушке. Лишь через много лет я узнал, что она так спешила, что грохнулась, как собака кидается за кучкой дерьма, лапша рассыпалась, а чашка разбилась. Чтобы ее не ругали, прабабушка принесла другую чашку из дома и велела сестре отнести обратно.

Тетушка поговорить любила, а мы охотно ее слушали. Поев лапши, она села сбоку на край кана, опершись спиной о стенку, и открыла свою шкатулку с

рассказами. Она сотни дворов исходила, с какими только людьми не познакомилась, столько преданий и любопытных случаев слыхивала, а при рассказе не скупилась что-то приукрасить для красного словца, и это делало ее рассказы увлекательными, как у сказительницы. В начале восьмидесятых, когда мы смотрели по телевизору серию выступлений знаменитой сказительницы Лю Ланьфан, матушка не преминула заметить: «Ну вылитая ваша тетушка! Если не врачом, то прекрасной рассказчицей бы стала!»

В тот вечер она начала рассказывать с того, как в Пинду состязалась в уме и смелости с командиром японцев Сугитани. «Мне тогда семь лет было. – Она глянула на меня. – Почти такая же, как Сяо Пао. И вот вместе с вашей прабабушкой и вашей бабушкой попали мы в Пинду. По приезде нас заперли в какой-то темной комнате с двумя огромными овчарками у входа. Этих овчарок обычно кормили человечиной, при виде маленького ребенка они тут же высунули языки. Ваши прабабушка с бабушкой всю ночь проплакали. А я не плакала, как легла, тут же заснула и проснулась, когда уже был день. Не знаю, сколько дней и ночей нас продержали взаперти в этой темной комнате, пока не переместили в изолированный дворик. Там росла сирень, от нее разносился такой аромат, что кружилась голова. Потом пришел какой-то шэньши[17 - Шэньши – одно из сословий старого Китая, семьи сдавших экзамены и получивших государственные должности, зд. деревенский интеллигент.] в длинном халате и в цилиндре и сказал, что командующий Сугитани изволит пригласить нас на банкет. Ваша прабабушка с бабушкой только и знали, что плакали и боялись идти. Тогда этот шэньши обратился ко мне:

– Барышня, поговори ты с бабушкой и матерью, пусть не боятся, командующий Сугитани не желает причинять вам зла, он лишь хочет завести дружбу с господином Вань Люфу.

Я и сказала:

– Бабушка, мама, не плачьте, какая польза от вашего плача? Крылья у вас от этого вырастут? Великая стена от ваших рыданий рухнет?

– Хорошо сказала! – захлопал в ладоши шэньши. – Маленькая, а во всем разбираешься. Вырастешь, наверняка незаурядным человеком станешь.

Под моими уговорами ваши прабабушка с бабушкой плакать перестали. В сопровождении этого шэньши мы сели в запряженный черным мулом экипаж и поехали, поворачивая туда-сюда не знаю сколько раз. Въехали в роскошный особняк с высокими воротами с двумя часовыми на входе – слева „желтопузый“ [18 - Желтопузый – презрительная кличка солдат китайских соединений японской армии.], справа – японский солдат. От ворот мы проследовали в глубь особняка, пересекали дворик за двориком, казалось, это будет длиться вечно. Наконец попали в большую приемную в виде сада – резные двери, окна и перегородки, глубокие кресла из сандалового дерева. Командующий Сугитани в кимоно, со складным веером в руках, по неторопливым движениям можно судить, что человек культурный. Несколькими вежливыми фразами на литературном китайском он пригласил нас занять места за большим круглым столом, уставленным изысканными яствами. Ваши прабабушка с бабушкой не смели к палочкам прикоснуться, а мне на это дело наплевать, поем у этого сукина сына! Палочками орудовать неудобно, так я предпочла загребать щепотью – и в рот. Сугитани с рюмкой вина, улыбаясь, смотрел, как я ем. Наелась, руки о скатерть вытерла, и на меня навалилась усталость. Тут Сугитани спрашивает:

– Барышня, если предложить твоему отцу прибыть сюда, хорошо это или плохо?

Я уставилась на него:

– Плохо.

– Почему? – спросил Сугитани.

– Мой отец – Восьмая армия, – заявила я, – а ты – японец. Восьмая армия бьет японцев. Не боишься, что мой отец придет и побьет тебя?»

Тут тетушка задрала рукав и глянула на наручные часы. В те времена во всем уезде таких часов было не больше десятка, и одни из них на руке моей тетушки.

– Ого! – удивился старший брат. У нас в семье только он видел такие. Он тогда ходил в уездную среднюю школу, там наручные часы носил советский учитель, который приезжал преподавать русский язык. – Наручные часы! – воскликнул брат.

- Наручные часы! – подхватили мы с сестрой.

Тетушка, сделав вид, что не принимает этого всерьез, опустила рукав:

- Ну часы и часы, чего шум подымать?

Ее намеренно пренебрежительные слова еще больше подстегнули наш интерес. Сначала пробный шар запустил старший брат.

- Тетушка, я видела часы у учителя Цзи, но только издалека... Разрешите глянуть...

Запросили вслед за братом и мы:

- Тетушка, позвольте посмотреть!

- Ну вы озорники, – усмехнулась тетушка. – Всё углядите, какие-то никудышные часы, что там смотреть!

Но часы все же сняла и подала старшему брату.

- Осторожно смотри, – громко предупредила со стороны матушка.

Брат с превеликой осторожностью взял часы, сперва рассмотрел на ладони, потом поднес к уху послушать. Когда он насмотрелся, настала очередь старшей сестры, потом второго брата. Второй брат лишь глянул одним глазом, не успел и к уху поднести, как старший отобрал у него часы и вернул тетушке. Я от злости аж расплакался.

Матушка меня изругала.

- Сяо Пао, вырастешь, еще дальше пойдешь, – утешала меня тетушка. – Стоит ли переживать, что у тебя нет часов?

- Такому, как он, и часы носить? – хмыкнул старший брат. – Да хоть завтра тушью ему на руке нарисую.

- Внешность обманчива, нельзя по малому судить о целом, как говорится, море мерой не перемеришь. Не смотрите, что Сяо Пао некрасив, вырастет – непременно больших успехов добьется! – сказала тетушка.

- Если он добьется больших успехов, то и свинья в хлеву тигром станет! – съязвила старшая сестра.

- Тетушка, а где они сделаны? И что за марка? – спросил старший брат.

- Швейцарские, – отвечала тетушка. – «Эникар».

- Ого! – снова поразился старший брат. Ему вторили другой брат с сестрой.

- Расквкались, жабы! – насупился я.

- Сестренка, и сколько же стоит эта штукавина? – спросила матушка.

- Не знаю, друг подарил.

Матушка смерила ее взглядом:

- Это какой, интересно, друг может дарить такие дорогие вещи? Не их ли дядюшка?

- Скоро двенадцать, – поднялась тетушка. – Надо спать ложиться.

- Слава небу и земле, – резюмировала матушка. – Сестренка наконец пристроена, как говорится, у знаменитой красавицы появился хозяин.

- Вот только не выноси этого за порог, все только начинается, как говорится, даже первая черта иероглифа «восемь» еще не начертана! – И тетушка повернулась к нам: – Вы тоже смотрите не болтайте, не то шкуру спущу.

На другой день поутру старший брат, которого, наверное, мучила совесть, что он накануне не дал мне посмотреть тетушкины часы, нарисовал мне часы авторучкой на кисти. Нарисовал очень похоже, смотрелось красиво. Я эти свои

«часы» очень берег, старался, чтобы на них не попадала вода, когда мыл руки, прятал от дождя, подрисовывал братниной авторучкой, когда рисунок стал выцветать, и он продержался у меня на руке месяца три.

6

Как выяснилось, часы прислал тетушке военный летчик. Это в те времена – и военный летчик! Услышав эту новость, сестра с братом расквакались как лягушки, а я принялся кувыркаться по земле.

Это было радостное известие не только для нашей семьи, но и для всех земляков. Все считали, что тетушка и летчик – идеальная пара. Повар Ван на школьной кухне, который принимал участие в сопротивлении американской агрессии и оказании помощи корейскому народу, сказал, что летчики сделаны из чистого золота. «Разве можно из золота сделать человека?» – усомнился я. Тот в присутствии еще евших учителей и партработников сказал: «Дурачок ты, Вань Сяо Пао, честное слово. Я имел в виду, что для подготовки летчика государству нужно затратить колоссальные суммы, которые сопоставимы со стоимостью семидесяти килограммов золота». Вернувшись домой, я передал эти его слова матушке, которая ахнула: «Силы небесные! Вот придет этот зять к нам в гости, и как прикажете его принимать?»

В то время среди нас, детей, каких только мифов не ходило о летчиках. Мать Чэнь Би, когда была в Харбине, видела там советских летчиков: все как один в куртках на меху, высоких сапогах на меху, с золотыми зубными коронками, золотыми наручными часами, едят сосиски с хлебом и пьют пиво. Сын кладовщика зернового склада Сяо Шанчунь, Сяо Сячунь (Нижняя губа) (впоследствии он сменил имя на Сячунь – Раздольная весна), тогда заявил, что китайские летчики едят лучше, чем советские. Он даже изложил нам меню китайских летчиков – будто сам им готовил: на завтрак – два куриных яйца, кружка молока, четыре полоски хвороста, два маньтоу, кусочек соевого сыра; на обед – тушеная свинина в соевом соусе, рыба, две булочки бобо; на ужин – жареная курица, два пирожка баоцзы на пару со свининой, два баоцзы с бараниной, рисовая каша. После каждой еды – фрукты на выбор, бананы, яблоки, груши, виноград... Что не съешь, можно забрать с собой. Зачем, спрашивается, на куртках летчиков два больших кармана? А вот для этих фруктов... От этих

описаний жизни летчиков у всех нас слюни потекли. Каждый мечтал, когда вырастет, стать летчиком и жить как святой небожитель.

Когда ВВС объявили в первой уездной средней школе о наборе в летчики, мой старший брат с радостью помчался записываться. Дед мой долгое время батрачил на помещика, потом был санитаром-носильщиком в Народно-освободительной армии, принимал участие в битве при горе Мэнляngu[19 - Сражение между националистами и коммунистами в 1947 году в провинции Шаньдун.], именно он спустил с горы тело Чжан Линфу[20 - Чжан Линфу (1903–1947) - генерал гоминьдановской армии, успешно сражавшийся против коммунистов и японцев.]. Бабушка по матери тоже была из беднейших крестьян, прадед - пламенный борец за революцию, так что происхождение нашей семьи и общественные отношения были выше всяческих установлений. У себя в средней школе брат был чемпионом по метанию диска. Однажды он пришел домой на обед и съел жирный бараний курдюк. Вернувшись в школу и не найдя, где приложить силу, взял диск и метнул изо всех сил. Диск со свистом перелетел через школьную ограду и опустился на крестьянском поле. Там как раз в это время крестьянин пахал на быке, и диск опустился не куда-нибудь, а прямо на бычий рог и снес его. Одним словом, у старшего брата и происхождение не подвело, и учился он отлично, и на здоровье не жаловался, да еще будущий зять летчик. Поэтому все и считали, что если ВВС и отберут кого из нашего уезда в летчики, то это, без сомнения, будет мой старший брат. Но брат отбор не прошел, потому что на ноге у него с детства остался шрам от фурункула. Наш школьный повар Лао Ван сказал так: «Если на теле есть шрамы, то это, конечно, не годится. В воздухе от высокого давления любой шрам на теле летчика может разойтись. Это еще что, не берут даже если ноздри неодинаковые».

В общем, после установления любовных отношений между тетушкой и этим летчиком мы стали пристально следить за всем, что было связано с авиацией. Мне сейчас уже за пятьдесят, и то полно тщеславия, не прочь похвастаться, вытянешь лотерейный билет на сто юаней, так и хочется раструбить об этом по всему городу. А представьте себе, как я вел себя тогда, ученик начальной школы, у которого будущий зять летчик.

В пятидесяти ли к югу от нас располагался аэродром Цзяочжоу, а в шестидесяти ли к западу - аэродром Гаоми. На аэродроме Цзяочжоу самолеты все были большие, неповоротливые, черные, взрослые говорили, что это бомбардировщики. А в Гаоми - с прижатыми крыльями, серебристые, они могли кувыркаться в воздухе, оставляя за собой дымный след. Старший брат сказал,

что это «Цзянь-5»[21 - Цзянь (сокр. от цзяньцзици - истребитель) – элемент названий всех моделей китайских истребителей.], копия советского «МиГ-17», настоящая боевая машина, именно такой самолет во время корейской войны разделявал американцев в пух и прах. Наш возможный зять, конечно, на такой боевой машине и летал. Угроза войны тогда была очень серьезной, самолеты с аэродрома Гаоми поднимались в воздух для проведения учебных полетов почти каждый день. Они взлетали на своих прижатых крыльях в небо родного Дунбэя, и над нашими головами разворачивалось сражение. По три, а то и по шесть самолетов. То кружат один на хвосте другого. То вдруг резко нырнет вниз так, что носом вот-вот коснется большого тополя в нашей деревне, а потом так же резко взмывает вверх, теряясь в высоте, как ястреб. Однажды с небес донесся страшный грохот – тетушка рассказывала, как она принимала роды у одной позднородящей, у той от напряжения начались судороги, и когда тетушка готова была взяться за скальпель, с улицы послышался взрыв, внимание роженицы с перепугу рассредоточилось, судороги прошли, она поднатужилась и тут же родила – во всех домах даже бумагу в окнах прорвало[22 - Раньше в Китае окна закрывали промасленной бумагой.]. Мы застыли от страха, а через минуту вместе с учительницей выбежали из класса и, задржав головы, стали смотреть в небо. Там, в голубом просторе, один самолет тянул за собой какую-то штуку в форме цилиндра, а за ним вдогонку шла пара других. Сначала вокруг этого цилиндра появлялись белые дымки взрывов, а потом до наших ушей доносились звуки пушечных выстрелов. Но издали эти звуки не были такими оглушающими, на моей памяти они даже уступали грохоту молнии, которая расколола пополам большую иву. Создавалось впечатление, что летчики специально не сбивают эту мишень, дымки от взрывающихся снарядов ложились рядом, и пока она не исчезла из поля нашего зрения, так в нее и не попали. Чэнь Би почесал свой нос, из-за которого его прозвали «маленьким волосатиком»[23 - Волосатик (лаомаоцзы) – историческое презрительное прозвание русских (из-за бород).], и презрительно процедил: «У китайских летчиков мастерства не хватает. Были бы на их месте советские летчики, они бы эту мишень с одного выстрела разнесли!» Я понимал, что у него таким образом зависть ко мне выражается. Ведь он родился и вырос в нашей деревне, даже советской собаки ни разу не видел, откуда ему знать, что советские летчики искуснее китайских?

В то время мы, дети из деревенского захолустья, еще не знали, что как раз тогда китайско-советские отношения ухудшались. Хотя от высказываний Чэнь Би, который хулил наших военных летчиков, сравнивая их с советскими, становилось невесело, особенно мне, но ничего другого никому в голову не приходило. Через несколько лет, когда началась «великая культурная революция», мы были в пятом классе начальной школы, наш одноклассник Сяо

Сячунь вытащил этот факт напоказ. Не только Чэнь Би хлебнул горя, его родители тоже заплатили за это физическими страданиями, да и самой жизнью. При обыске у них в доме нашли советскую книгу «Повесть о настоящем человеке», в которой рассказывается о герое-летчике, потерявшем обе ноги, но снова вернувшемся в небо. И хотя говорили, что это настоящий образец революционной воли и стойкости, в конечном счете мать Чэнь Би, Ай Лянь, стали называть любовницей советского летчика, а ублюдка Чэнь Би – доказательством этой связи.

Учебные полеты боевых самолетов «Цзянь-5» с аэродрома Гаоми проходили днем, самолеты с аэродрома Цзяочжоу тоже не отставали, но они поднимались в воздух ночью. Почти каждый день где-то в девять вечера – когда заканчивались передачи уездной радиотрансляции – внезапно вспыхивали поисковые прожекторы аэродрома. Когда этот широкий луч разрезал небо над нашей деревней, он уже не был таким ярким, но для нас это все равно было несравнимое потрясение. У меня совсем не к месту вырвалась какая-то ерунда: «Мне бы такой фонарик, вот было бы здорово!» «Дурачок ты!» – сказал на это второй брат и постучал согнутым пальцем мне по макушке. Конечно, по той же причине, из-за этого нашего тетушкина жениха, второй брат тоже стал наполовину специалистом по авиации. Он мог запросто назвать по именам летчиков – героев-добровольцев и подробно рассказать об их героических деяниях. Именно он, перед тем как попросить меня поймать вошь на голове, рассказал, что грохот, из-за которого прорвало бумагу на окнах, называется «звуковым ударом», он возникает, когда сверхзвуковой самолет преодолевает скорость звука. «А что значит „сверхзвуковой“?» – «То и значит, что летит быстрее звука! Эх ты, балда!» Только этот чарующий свет прожекторов и можно было увидеть при учебных полетах с цзяочжоусского аэродрома. Кое-кто говорил, что никакие это не учебные полеты, а взлетают они, чтобы навести самолеты на ложный маршрут. Эти громадные снопы света то сходились, то расходились, они перекрещивались, иногда шли параллельно, бывало в луче вдруг появлялись испуганные птицы, которые в панике разлетались кто куда, как упавшие в бутылку мухи. Обычно через несколько минут после того, как зажигались прожекторы, в небе слышался гул самолета. Еще немного – и на наших глазах в луче света появлялась эта черная громадина, ее общие контуры с огнями в передней части, на хвосте и крыльях. Она словно скользила по этому лучу, возвращаясь в свое гнездо. У самолетов ведь тоже есть гнезда, как курятники у кур.

Во второй половине тысяча девятьсот шестидесятого года, вскоре после того случая, когда мы ели уголь, разнеслась весть, что тетушка с этим летчиком женятся. Чтобы обсудить вопрос приданого, прабабушка приходила советоваться с матушкой. В конце концов было решено срубить столетнюю катальпу, что росла у нас за стеной, и попросить лучшего в деревне плотника Фаня изготовить из нее мебель для дома. Я на самом деле видел, как отец вместе с плотником Фанем измеряли это дерево, как оно, предчувствуя гибель, подрагивало ветвями, как шелестели его листья, словно плакали.

Но после этого новостей не было, да и тетушка давно не появлялась. Я побежал разузнать что и как к прабабушке, но та вытурила меня, бесцеремонно огрев палкой. Тут же стало ясно, что к старости прабабка стала похожа на старых ведьм из сказок.

На следующий день первый снег выпал рано утром, в алых лучах восходящего солнца. В школу мы отправились в своих соломенных сандалиях, ноги и руки мерзли. Чтобы согреться, мы с криками носились по спортплощадке. С неба вдруг донесся ужасный грохот. Раскрыв рты, мы задрали головы и увидели, что в нашу сторону устремилась здоровенная махина – темно-красного цвета, за ней полоса густого черного дыма, таращась двумя большими красными глазами, оскалив громадные белоснежные зубы, трясясь всем телом. «Самолет, мамочки, самолет! Он что, к нам на спортплощадку садиться собрался?»

Мы никогда не видели самолет так близко, потоки от крыльев поднимали в воздух куриные перья и сухие листья. Вот было бы здорово, если бы он смог приземлиться на спортплощадке! Мы бы подошли и рассмотрели его, потрогали бы, а если повезет, может, нам разрешат залезть внутрь и поиграть, а то и получится попросить этого летчика рассказать, как он воюет. Очень может быть, что он однополчанин тетушкиного жениха. Нет, тетушкин жених на «Цзянь-5» летает, тот гораздо красивее этой черной махины, значит, тетушкин жених не может быть однополчанином летчика, который управляет этой неповоротливой громадиной. Но что ни говори, сколько духу нужно иметь, чтобы управлять таким самолетом, верно? Тот, кто поднимает в воздух этакую тяжеленную железяку, разве не герой? Летчика я не видел, но многие одноклассники потом клялись, что видели его лицо через стекло в носу самолета. Этот самолет, который, как мне казалось, точно должен был приземлиться недалеко от нас,

словно нехотя задрал нос, резко накренился вправо и, задев брюхом крону высокого тополя на восточном краю деревни, нырнул на широкое поле пшеницы. Мы услышали страшной силы звук. Гораздо более резкий по сравнению с тем «звуковым ударом». Земля под ногами задрожала, в ушах зазвенело, перед глазами заплясали золотистые искорки. Почти сразу в небо поднялся столб черного дыма и темно-красного пламени, солнце тут же побагровело, и до ноздрей донесся странный запах, от которого стало трудно дышать.

Не знаю, сколько времени прошло, пока мы пришли в себя и рванули на край деревни. Там на дороге нас опалило волной жара. Самолет уже разлетелся на куски, одно крыло вошло наискось в землю, как огромный факел. Пшеничное поле пылало, несло запахом паленой кожи. Тут громыхнуло опять, и опытный повар Лао Ван громко крикнул: «Ложись!»

Мы бросились на землю и по команде Лао Вана отползли. «Быстрее давайте, у него под крылом бомбы!»

Потом мы узнали, что на такой самолет обычно подвешивают четыре бомбы, но в тот день их было лишь две. Будь там четыре, нас бы уже поминай как звали.

На третий день после крушения самолета отец вместе с односельчанами отвез на аэродром на тележках остатки самолета и останки летчика. Как раз когда отец вернулся, в ворота нашего дома ввалился запыхавшийся старший брат. Этот звезда спорта бежал без передышки от самого уезда. Пятьдесят ли, почти марафонская дистанция. Вбежав во двор, он только и выдохнул: «Тетушка...» Потом рухнул на землю, изо рта у него пошла пена, глаза закатились, и он потерял сознание.

Все домашние окружили его, пытаюсь помочь. Кто давил на точку под носом, кто массировал точку между большим и указательным пальцами, кто массировал грудь.

– Что с твоей тетушкой?

– Что с ней?

Наконец он очнулся, рот у него скривился, и он расплакался как ребенок.

Матушка зачерпнула из чана полковша холодной воды, влила немного в рот, а остатки плеснула в лицо.

- Говори же скорей, что с твоей тетушкой?

- Этот тетушкин летчик... дезертировал на самолете.

Ковшик выпал из рук матушки на землю и перевернулся несколько раз.

- Куда дезертировал? - спросил отец.

- А куда еще можно? - Брат вытер рукавом воду с лица и проговорил, стиснув зубы: - На Тайвань! Предатель, подонок, на Тайвань к Чан Кайши переметнулся!

- А тетушка твоя что? - спросила матушка.

- Увели ее в уездное управление безопасности.

Тут из глаз матушки хлынули слезы.

- Смотрите, чтобы ваша прабабушка ни в коем случае не узнала, - велела она нам. - И помалкивайте об этом.

- И что с того, что мы будем помалкивать? Уже весь уезд знает.

Матушка принесла из комнаты большую тыкву и передала старшей сестре:

- Пойдем-ка проведаем твою прабабушку.

Через некоторое время запыхавшаяся сестра вернулась и крикнула, вбежав во двор:

- Бабушка, иди быстрее, мама зовет, прабабушке плохо.

Сорок лет спустя набор в ВВС проходил Сянцюнь, младший сын старшего брата. Хотя в мире произошло немало перемен, как говорится, где было синее море, там ныне тутовые рощи, многое из прежнего святого, за что можно было и голову не сносить, теперь подвергается осмеянию; многие профессии, на которые раньше многие смотрели с благоговением, нынче почитаются «низкими». Но «набор в авиацию» по-прежнему остается великим радостным событием, от которого домашние испытывают волнение, а соседи – зависть. Поэтому старший брат, который уже ушел на пенсию с поста директора отдела народного образования, специально вернулся в деревню и устроил банкет, созвал родственников и друзей, чтобы это событие отметить.

Банкет устроили во дворе дома второго брата, из дома протянули провод, повесили мощную лампу, все вокруг залило ярким светом, стало светло как днем. Составили вместе два обеденных стола, вокруг поставили двадцать с лишним стульев, где мы и уселись вместе, тесно, плечом к плечу. Угощение заказали в ресторане, стол ломился от вкусностей – тут и курятина, и утятина, и рыба, смешение всевозможных красок и ароматов.

– Особых деликатесов нет, но прошу отведать, – пригласила жена старшего брата своим яньтайским говорком.

На что мой отец крякнул:

– Не знаю, можно ли так выразиться, но вспомните шестидесятый год, в то время и председатель Мао не едал такого.

А прошедший отбор мой племянник ответил:

– Не надо листать старый календарь, дед.

Когда выпили по третьей, отец снова заговорил:

– Вот у нас в семье и летчик появился. Когда-то твой отец тоже проходил осмотр на летчика, да вот не прошел из-за шрама, а теперь Сянцюнь наконец осуществил мечту нашей семьи.

– Подумаешь, летчик, – скривил губы Сянцюнь, – ничего особенного. Чтобы действительно продемонстрировать свои способности, надо в большие чиновники идти, большие деньги делать!

– Как можно говорить такое? – Отец поднял рюмку, осушил ее одним глотком и грохнул об стол. – Летчик – это же дракон, феникс среди людей[24 - Дракон среди людей – человек высоких качеств, который держится в тени, не желая занять высокий пост.]. Если бы тогда Ван Сяоти, тетушкин избранник, стоял как зеленая сосна, обосновался как медный колокол, шел бы своим путем доблестно и браво... Не нашла бы на этого подлеца такая дурь, как улететь на Тайвань, вполне возможно, теперь был бы командующим военно-воздушными силами...

– Вот как? – поразился Сянцюнь. – Так бабулин муж не тот, что лепит глиняные фигурки? При чем здесь летчик?

– Дело прошлое, не будем об этом, – попытался закончить этот разговор старший брат.

– Ну уж нет, – не сдавался Сянцюнь. – Нужно порасспросить об этом бабулю. Ван Сяоти улетел на самолете на Тайвань? Ничего себе, просто потрясающе!

– Не ищи потрясающего, – с глубокой грустью сказал старший брат. – Человек должен любить свою страну, тем более солдат, не говоря уже о летчике. Люди могут заниматься воровством, грабежом, убийствами, поджогами... Я хочу сказать, никогда не нужно идти на предательство, предатели навеки покрывают себя позором, ничем хорошим это не заканчивается...

– Похоже, тебя запугали, – пренебрежительно заявил Сянцюнь. – Ведь Тайвань – часть нашей Родины, слетать туда посмотреть – очень даже неплохо.

– Даже думать не моги! – сказала жена старшего брата. – С такими мыслями нечего и в летчики идти. Погоди вот, я военкому Лю позвоню.

– Не волнуйся, мама, – отвечал мой племянник, – что я, глупый? Неужели ты считаешь, что я лишь о себе думаю и вас в расчет не принимаю? К тому же нынче Гомиьндан и компартия Китая – одна семья, если я улечу, меня должны вернуть обратно.

– Это традиционные устои нашей семьи Вань, – продолжал старший брат. – А этот Ван Сяоти – ублюдок, мерзавец безответственный, он твоей бабуле всю жизнь поломал!

– Кто тут меня поминает? – раздался звонкий голос, и вошла тетушка, прищурившись от яркого света. Она отвернулась и надела небольшие темные очки, отчасти перебарщивая и немного с юмором. – Кому нужна такая большущая лампа? Как ваша прабабушка говаривала, хоть и впотьмах ешь, мимо рта не пронесешь. Электричество – это уголь, а уголь люди добывают, дело нелегкое, три тысячи чи под землей, настоящий ад при жизни. Продажные чиновники нелегально владеют шахтами, а жизнь шахтеров не стоит и горсти праха. Каждый кусок угля в крови! – Она стояла, упершись правой рукой в бок, большой палец и мизинец с безымянным пальцем левой руки сложены, указательный со средним сложены вместе и вытянуты вперед, рукава широко распространенного в семидесятые годы «дакронового» армейского френча высоко закатаны, располневшая, седоволосая, она смахивала на партработника уездной коммуны периода после «культурной революции». В душе у меня поднялся целый сонм переживаний, такова уж наша красавица тетушка, этот полностью раскрывшийся цветок лотоса[25 - Образное выражение для очень красивой женщины, стихотворения или образца каллиграфии.].

Старший брат с женой долго обсуждали, приглашать тетушку на банкет или нет. Обратились к отцу, который, поразмыслив, сказал:

– Да пусть ее, она теперь... Все равно она и в деревне-то не живет... Потом еще поговорим...

При ее появлении всем стало неловко. Все сразу встали, обомлев от неожиданности.

– Что же это, всю жизнь прожила на чужбине, а вернулась в родной дом, так и сесть некуда? – съязвила тетушка.

Все тут же откликнулись, стали наперебой уступать место, возникла суматоха.

– Первая, кого мы собирались пригласить, были вы, почтенная, – торопливо объяснялись старший брат с женой. – Вы у нас в семье Вань главная, первое

кресло всегда за вами.

Тетушка с треском плюхнулась на место рядом с отцом и обратилась к старшему брату по имени:

– Дакоу, твой батюшка жив-здоров, моя очередь занимать первое кресло еще не пришла. Даже после его смерти до меня очередь не дойдет! Выданная замуж дочка – что пролитая вода, верно ведь, старший брат?

– Ты у нас дочка не простая, ты в нашем роду персоне с особыми отличиями. Из этого младшего поколения, – отец указал на всех присутствовавших, – есть ли кто, кого ты не приняла?

– Настоящий герой прошлыми достижениями не хвалится, – отвечала тетушка. – Если подумать о дне сегодняшнем... А что делать, если говорить о дне сегодняшнем! Пить вино! Как, у меня и стопки нет? А я еще с вином пришла! – Она достала из широкого кармана бутылку «Маотай»[26 - «Маотай» – самая известная и дорогая марка китайской водки.] и поставила на стол. – Пятидесятилетняя «Маотай», чиновник из Тинланя подарил. Его любовница, на двадцать восемь лет моложе, мечтала о мальчике, считала, что у меня есть тайное средство заменять плод женского пола на мужской, вот и пристала, мол, замени да замени! Я говорю, это шарлатаны так людей надувают, а она не верит, вся в слезах, не уходит ни в какую, умоляет чуть ли не на коленях, говорит, что жена чиновника родила двух дочерей, и если ей удастся родить мальчика, то сумеет его отбить. Мужчина этот ценит мальчиков и смотрит свысока на девочек, у него преобладают феодальные взгляды, а вообще-то у такого большого чиновника сознательность могла бы быть и повыше, тьфу! – сердито выговорила тетушка. – Так или иначе деньги этих людей несправедливыми путями нажиты, кого же еще надувать, как не их?! Подобрала ей лекарство из нескольких ароматов на девять приемов, всякого дудника, ямса, корня наперстянки, солодки – все по одному мао[27 - Мао – 10 фэней, гривенник.] за пачку, все вместе и тридцати юаней не стоит, – и за каждый пакетик получила с нее сотню. Та обрадовалась донельзя, забралась в свой красный лимузин и умчалась. А сегодня после полудня этот чиновник и его любовница с пухлым сыночком на руках заявили изъяслять благодарность с хорошими сигаретами и хорошим вином. Говорит, мол, хорошо, что приняла мое чудодейственное средство, иначе как бы смогла родить такого славного сына! – И, расхохотавшись, тетушка схватила стопку, которую со всем почтением поставил перед ней старший брат, опрокинула и хлопнула себя по ляжке: – Рассмешили,

сил нет. Ну сами посудите, эти чиновные, все якобы с каким-никаким образованием, почему они такие тупые? Ну как можно изменить пол плода? Будь у меня такие способности, давно бы уже Нобелевскую премию по медицине получила, верно? А ну плесни мне! – стукнула тетушка пустой стопкой. – «Маотай» не открывайте, оставим старшему брату.

– Нет-нет, – торопливо запротестовал отец. – Для моего брюха пить такое вино – пустая трата.

Тетушка сунула «Маотай» ему в руки:

– Тебе даю, тебе и пить.

Отец погладил ленту на бутылке и осторожно спросил:

– Сколько одна такая бутылочка стоит?

– По меньшей мере тысяч восемь, наверное! – ответила тетушка. – Слышала, недавно цена еще повысилась.

– Силы небесные! – охнул отец. – Какое же это вино, это просто нектар, как говорится, слюна дракона и кровь феникса, да и то не может столько стоить! Цзинь пшеницы стоит восемь мао, а бутылка вина – десять тысяч за цзинь, что ли? Это мне целый год горбатиться, и то на полбутылки не заработаю. – И двинул бутылку тетушке: – Забери-ка ты ее лучше обратно. Я такое вино пить не стану, много чести, помру еще раньше времени.

– Тебе даю, тебе и пить, – повторила тетушка. – Да и не я тратилась, покупала. Не станешь пить, ну и зря. Это как в свое время в Пинду на банкете у японских чертей: не хочешь есть, ну и зря. А я поела, хоть и на дармовщинку. Разве поесть задаром не значит поесть?

– Так-то так, – не сдавался отец, – но вот подумать только: как может такая малость ядреной водицы стоить стольких деньжищ?

– Вот что тебе непонятно, брат, – кивнула тетушка. – Скажу тебе так: ни один из тех, кто пьет это вино, сам за него не платит, сами они могут позволить себе

лишь такое. – Она подняла стопку и снова выпила одним махом. – Тебе уж за восемьдесят, будешь откладывать, отказываться пить, сколько тебе еще лет остается? – И стукнула себя в грудь: – Перед всем этим младшим поколением я, твоя сестра, вот что скажу: с сегодняшнего дня буду носить тебе «Маотай»! Чего нам бояться? Прежде мы боялись то волков, то тигров. Чем больше боишься, тем больше нечистой силы является страх нагонять. Налей-ка еще! Или сами не видите? Из-за вина, что ли, переживать?

– Как можно, тетушка, вы же сами отказывались от вина...

– Ха, если бы отказывалась, разве могла бы столько выпить! – Было видно, что это ее задело. – В те времена, если вспомнить, было дело, пьянствовала я вместе с этой бандой ублюдков из народной коммуны. Вся эта шайка господ хотела, чтобы я опозорилась, а в результате я так их напивала, что рукой шевельнуть не могли, сползали под стол и тьякали там, как собаки! Давайте, молодежь, выпьем!

– Тетушка, вы бы поели.

– Какое поели, в свое время вы, господа, под перышко лука полкувшина гаоляновки уговаривали, вот уж пить умели, откуда было закуску взять? Вам же всем теперь закуску подавай! Старший брат. – Тетушка разгорячилась от выпитого, расстегнула одну пуговицу на груди и похлопала отца по плечу: – Раз говорю – пей, значит, пей. Из нашего поколения только мы вдвоем и остались, вся эта экономия – ни поесть, ни выпить – зачем, спрашивается? Если деньги не тратить, это лишь бумага, а когда тратишь, становятся деньгами. Мастерство при нас, нам ли бояться, что денег нет? Любой чиновник или служащий – все могут заболеть, а заболет – обратится к нам. Тем более, – тут она расхохоталась, – наше величайшее мастерство позволяет изменять пол плода с женского на мужской, такая сложная техника, что хоть десять тысяч запросим, все равно им придется раскошелиться.

– Ну а если бы она приняла твое снадобье по изменению пола плода, а родила все же девочку, тогда как быть? – озабоченно поинтересовался отец.

– Так ты не понимаешь, – хмыкнула тетушка. – Что такое китайская народная медицина? Это наполовину гадалка, что говорит все вокруг да около, и если что, это ее надувательство, мы то здесь при чем?

Пока тетушка прикуривала, этим воспользовался мой племянник Сянцзюнь:

– Бабуля, а вы не могли бы рассказать про того летчика? Может, однажды мне придет в голову слетать на Тайвань и увидеться с ним!

– Глупости говоришь! – бросил старший брат.

– Совсем распустился! – поддержала его жена.

Тетушка умело затягивалась, клубы дыма струились по ее всклокоченным волосам.

– Сейчас подумаешь об этом, – сказала тетушка, после того как выпила еще одну стопку, – он не только погубил меня, но и спас!

Она еще пару раз ожесточенно затянулась, потом средним пальцем с силой отбросила окурок. Прочертив темно-красную дугу, он улетел далеко к виноградным шпалерам.

– Ладно, – сказала она. – Выпила немало, банкет закончен, пора домой. – Она встала и, неуклюже покачиваясь дородным телом, побрела к воротам.

Мы повскакали вслед, чтобы помочь ей.

– Думаете, я и впрямь напилась? – обернулась она. – Ничего подобного, я и с тысячи чарок не пьяна.

За воротами мы заметили ее мужа, мастера Хао. Этот ваятель глиняных скульптур, которому не так давно присвоили звание «мастер искусств в области народных промыслов», тихо и незаметно стоял там и ждал.

Сенсей, на другой день мой племянник специально приехал из уездного города на мотоцикле, чтобы мой отец показал ему дорогу к дому тетушки, намереваясь расспросить ее про Ван Сяоти. Оказавшийся в затруднительном положении отец сказал:

- Лучше не стоит к ней ехать. Ей тоже скоро семьдесят, нашему поколению нелегко пришлось, ворошить все эти дела минувших дней - только душу ранить. Да и при муже ей будет неудобно говорить.

- Сянцюнь, - сказал я, - дед дело говорит. Раз уж ты проявляешь такой интерес к этому, я расскажу тебе все, что знаю. Вообще-то тебе стоит лишь поискать в интернете, и ты, наверное, сможешь понять, что к чему в этом деле.

Я всегда хотел написать книгу про тетушку - теперь переделываю ее в пьесу, - и этот Ван Сяоти, естественно, был у меня главным персонажем. К написанию этой книги я готовился уже двадцать лет. Используя различные связи, поговорил со многими, кто имел к этому непосредственное отношение. Специально побывал на трех аэродромах, где служил Ван Сяоти, ездил в его родные места в Чжэцзяне, встречался с однополчанами, служившими с ним в одной эскадрилье, с командиром его эскадрильи и заместителем командира полка, забирался в самолет «Цзянь-5», на каких он летал, говорил с тогдашним начальником контрразведки уездного управления безопасности, с тогдашним начальником отдела внутренней охраны уездного управления здравоохранения. Должен сказать, что знаю больше, чем кто-либо другой, но досадно лишь, что я никогда не видел лица Ван Сяоти. А вот твой отец с разрешения твоей бабули заранее спрятался в кинотеатре и своими глазами видел, как Ван Сяоти с бабулей вошли, взявшись за руки. Ван Сяоти сидел совсем близко от твоего отца. Впоследствии он так мне его описывал: рост метр семьдесят пять, может семьдесят шесть, белокожий, худое вытянутое лицо, глаза небольшие, но горящие. Зубы ровные, сверкающие белым блеском.

В тот вечер показывали советский фильм «Как закалялась сталь» по одноименному роману Островского. Твой отец сначала тайком поглядывал, чем занимаются Ван Сяоти с твоей бабулей, но очень скоро его захватила разворачивавшаяся на экране история о революции и любви. В то время многие китайские студенты переписывались с советскими, девушку, которая переписывалась с твоим отцом, звали Дуня, поэтому, погрузившись в фильм, он напрочь забыл о поставленной перед ним задаче. Конечно, твой отец не то чтобы так ничего и не добился. Перед началом сеанса он увидел, каков из себя

Ван Сяоти, в перерыве, когда меняли пленку (в то время в кинотеатрах еще были одиночные проекторы), услышал запах конфет изо рта Ван Сяоти. Он слышал, как сидящие впереди и позади щелкают семечки и жуют арахис, и чувствовал все эти запахи. В те времена в кинотеатрах разрешалось есть – с кожурой и без кожуры, – и под ногами слоями валялись обертки от конфет, орешки арахиса и кожура от семечек. Когда сеанс закончился, в свете фонаря на выходе Ван Сяоти взял велосипед и собрался проводить бабулю в общежитие управления здравоохранения (бабулю твою тогда временно направили работать в управление), она с улыбкой сказала: «Ван Сяоти, хочу тебя кое с кем познакомить!» Твой отец шмыгнул в тень колонны на выходе и не смел носа высунуть. «С кем это? – оглянулся по сторонам Ван Сяоти. – Где этот человек?» – «Вань Коу, подойди же!» Только тогда твой отец вышел из-за колонны и робко приблизился. Ростом он тогда был уже почти как Ван Сяоти, но тощий, как бамбуковый шест. История про то, как он, метнув диск со школьного двора, срезал рог быку, по большей части им самим выдумана для бахвальства. Волосы торчат в разные стороны как воронье гнездо. «Мой племянник Вань Коу», – представила его твоя бабуля. «Ага, – Ван Сяоти с силой похлопал твоего отца по плечу, – вот он каков, лазутчик! Славное тебе имечко подобрали, Вань Коу!» [28 - Коу (кит.) – рот.] – И протянул руку: – Ну давай знакомиться, парень, я – Ван Сяоти!» Немного смущенный неожиданной честью, твой отец старательно пожал руку Ван Сяоти, даже покачиваясь от натуги.

Твой отец рассказывал, что потом приходил к Ван Сяоти на аэродром, однажды поел вместе с ним летчицкой еды – большие креветки, тушеные в масле, жареные кусочки курятины с красным перцем, жареная капуста брокколи с яйцом, вареный рис – ешь сколько влезет. Когда твой отец это описывал, мы ему страшно завидовали, а я, конечно, испытывал гордость. Не только за Ван Сяоти, но и за твоего отца, ведь он – мой старший брат, и мой старший брат ел из летчицкого котла!

Еще Ван Сяоти подарил твоему отцу губную гармошку марки «Жаворонок», довольно качественную. По словам твоего отца, Ван Сяоти был человек одаренный, он и в баскетбол играл неплохо, три шага – мяч в корзине, довольно свободно забивал и обратным броском. Помимо губной гармошки умел играть и на аккордеоне, красиво писал авторучкой и к тому же обладал талантом художника. Твой отец говорил, что видел у него прикрепленный кнопками на стене карандашный набросок – точь-в-точь твоя бабуля. Что касается происхождения Ван Сяоти, тут вообще придраться не к чему. Отец – партийный работник высокого ранга, мать – профессор в университете. И зачем такому человеку нужно было улетать на Тайвань, чтобы тысячи людей поносили его как

изменника?

По мнению командира эскадрильи, дезертирство Ван Сяоти объясняется тем, что он тайком слушал вражеские радиостанции. У него был коротковолновый приемник на полупроводниках, по которому можно было слушать передачи тайваньского радио. На гоминьдановской радиостанции одна дикторша обладала чарующим, отличающимся особой притягательностью голосом. Ее прозвали «Роза ночного неба». Сила голоса просто убойная. Под его обаянием Ван Сяоти и решился сбежать. «Неужели моя тетушка не такая замечательная?» – усомнился я. «Конечно, твоя тетушка то, что надо, – сказал командир эскадрильи, уже дряхлый старик. – И происхождение хорошее, и наружность прекрасная, да еще член партии, по восприятию того времени действительно красотка хоть куда, мы все в глубине души завидовали Ван Сяоти. Но она девушка слишком революционная, слишком правильная и для такого, как Ван Сяоти, человека, отравленного классовым ядом капиталистов, не совсем по вкусу». Впоследствии в общественной безопасности проанализировали дневник Ван Сяоти, где он называет ее «красной дурой»! «Конечно, – сказал он, – хорошо еще этот его дневник позволил ей отбояриться, иначе хоть бросайся в Хуанхэ, все равно было бы не отмыться».

Сенсей, я своему племяннику сказал, что не только его бабуля чуть не погибла от его руки, но и отца твоего много раз вызывали на допрос в общественную безопасность, и губную гармошку изъяли, как доказательство вербовки и соращения Ван Сяоти молодежи. В своем дневнике он записал: «Красная дура познакомила меня со своим болваном-племянником. Еще один красный дурак, да и имечко у него странное – Вань Коу». Не будь этого дневника, у твоего отца тоже могли быть неприятности.

– Может быть, Ван Сяоти специально так написал? – предположил племянник.

– Твоя бабуля потом так и считала. Ван Сяоти специально оставил этот дневник, чтобы защитить ее. Поэтому вчера вечером она и сказала: «Он не только погубил меня, но и спас».

Моего племянника, сенсей, явно больше занимает то, как произошло дезертирство Ван Сяоти. Он восхищен мастерством Ван Сяоти в управлении сверхзвуковым истребителем. По его словам, вести «Цзянь-5» на расстоянии пяти метров от воды со скоростью восемьсот километров в час – это же любая малейшая ошибка, и ты падаешь в море. Каким высоким мастерством, какой

смелостью должен был обладать этот парень! Воистину ас, всепогодный истребитель. До того как приключился этот случай, всякий раз, вылетая на учебные полеты над нашей деревней, он всегда выполнял элементы, вызывавшие восхищение зрителей. Мы тогда говорили, что когда он пикирует на своем самолете на бахчу на востоке нашей деревни, то может протянуть руку, сорвать арбуз и, тряхнув крылом, снова взмыть в небеса.

- А правда, что, прилетев туда, он получил в награду пять тысяч лянов[29 - Лян - мера веса, ок. 37 г.] золотом? - спросил племянник.

- Может, и правда. Но будь это даже десять тысяч лянов, все равно не стоит того. Не надо завидовать этому, Сянцюнь, племяш. Деньги, красивые женщины - это все преходяще, как облака и дым. Самое ценное - это лишь родина, честь, семья.

- Третий дядюшка, ну почему вы такие отсталые? - вздохнул племянник. - Нынче вон какое время на дворе, а ты мне все такие вещи говоришь.

10

Весной 1961 года с тетушки сняли обвинения по делу Ван Сяоти, и она вновь приступила к работе в гинекологическом отделении здравпункта коммуны. Но за эти два года в сорока с лишним деревнях коммуны не родилось ни одного ребенка. Причиной тому был, конечно, голод. Из-за голода у женщин прекратились месячные; из-за голода мужчины превратились в евнухов. В гинекологическом отделении здравпункта коммуны остались лишь тетушка и врачиха средних лет по фамилии Хуан. Эта Хуан закончила известный медицинский вуз, но происхождение у нее было неважное, да ее еще зачислили в «правые элементы»[30 - «Правые элементы» - многолетняя травля «буржуазных правых элементов» началась в 1958 году сразу после окончания кратковременной, но широкомасштабной кампании за гласность и критику, развернутой в начале 1957 года под лозунгом «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают тысячи ученых».] и поэтому отправили в деревню. Всякий раз, когда речь заходила о ней, тетушку охватывал необъяснимый гнев. Ну и характерец, говорила тетушка. Сами посудите - то целый день ни словечка не вымолвит, а то злобно и ехидно болтает без остановки, перед плевательницей

может долго изливать глубокомысленные рассуждения.

После смерти прабабушки тетушка заглядывала к нам редко. Но всякий раз, когда у нас появлялось что-то вкусное, матушка посылала к ней старшую сестру с гостинцем. Отец однажды наткнулся в поле на полтушки кролика, видно, ястреб не доел, бросил. Матушка накопала полкорзины корешков и сварила с крольчатинной. Положила целую миску мяса, завернула и велела сестре отнести, но та отказалась. И тут вызвался я.

– Иди, конечно, – сказала матушка, – только смотри, не ешь тайком по дороге, да под ноги смотри, чтобы миску не уронить.

От нашей деревни до здравпункта десять ли пути. Поначалу я шел быстрым шагом, чтобы доставить мясо еще не остывшим. Но через некоторое время ноги отяжелели, в животе забурлило, выступил холодный пот и закружилась голова. Мучил голод, даром, что утром съел пару чашек жидкой каши на корешках. А тут еще из-под упаковки вырвался ароматный дух крольчатины. Во мне спорили, боролись два «я». Один говорил: «Ну съешь кусочек, всего один». – «Нет, – восставал другой, – надо быть честным мальчиком, слушаться маму». Несколько раз рука так и порывалась открыть упаковку, но передо мной вдруг возникало выражение матушкиных глаз. По обеим сторонам дороги, что вела из деревни к здравпункту, был насажен тутовник. Листья давно оборваны голодными людьми, я сорвал прутик, пожевал: такой горький и терпкий, что проглотить невозможно. Но тут я заметил на стволе только что вылупившуюся цикаду, зеленовато-желтую, с еще не высохшими крыльями. Обрадованный, я отбросил прутик, схватил цикаду и, недолго думая, запихнул в рот. Цикада у нас считается деликатесом, первоклассным тонизирующим средством, но, прежде чем есть, ее нужно поджарить. Я слопал ее сырую, не было у меня ни огня, ни времени. На вкус живая цикада оказалась превосходной, к тому же я считал, что по питательности она выше, чем жареная. Так я и шагал, осматривая деревья по обочинам. Ни одной цикады больше не нашел, зато заметил цветную листовку с прекрасным качеством печати. На ней сияющий свежестью и здоровьем мужчина обнимал красивую, как небесная фея, женщину. Надпись внизу поясняла: «Летчик коммунистических бандитов Ван Сяоти оставил свои заблуждения и встал на праведный путь. Ему присвоено звание майора национальных вооруженных сил и вручено вознаграждение в размере пяти тысяч лянов золотом, а его красавицей-спутницей стала знаменитая певица Тао Лили». Я забыл про голод и в необъяснимом возбуждении чуть не издал громкий крик. В школе я слышал о том, что гоминьдановцы запускают в нашу сторону

воздушные шары с реакционными листовками, но не ожидал, что сам обнаружу такую, не думал, что они такие красивые и что, признаться, женщина на фотографии действительно обворожительнее тетушки.

Когда я вбежал в гинекологическое отделение здравпункта, тетушка как раз бранилась с этой Хуан – очки в черной оправе, ястребиный нос крючком, тонкие губы, изо рта выпирают багровые десны. Потом тетушка не раз говорила нам, что лучше холостяком остаться, чем взять в жены женщину, у которой при разговоре выпирают десны. От мрачного взгляда Хуан по спине пробежал холодок.

– Ты кто такая, как ты смеешь указывать мне? – услышал я ее голос. – Я уже в мединституте училась, когда ты в детских штанишках бегала!

Тетушка без особых церемоний платила ей той же монетой:

– Ну да, я знаю, что ты, Хуан Цюя, дочка капиталиста, знаю и то, что ты была первой красавицей мединститута. Может, ты еще и флажком махала, приветствуя входящих в город японских дьяволов? Наверное, еще и к японским офицерам щечкой прижималась на танцах? Ты вот с японской солдатней танцы танцевала, я в это время в Пинду состязалась с японским командующим в уме и смелости!

– Это кто-нибудь видел? – холодно усмехнулась та. – Кто-нибудь видел, как ты состязалась с японским командующим в уме и смелости?

– Это осталось в истории, родина тому свидетель.

Мне ну никак не надо было появляться в этот момент и передавать эту красочно оформленную листовку в руки тетушки.

– Ты чего примчался? – раздраженно спросила она. – Это что такое?

– Реакционная листовка, гоминьдановская реакционная листовка! – выпалил я хриплым и дрожащим от волнения голосом.

Тетушка сначала глянула одним глазом, но я увидел, как она содрогнулась всем телом, словно пораженная током. Глаза у нее расширились, лицо побледнело. Она отбросила эту листовку как змею, нет, как лягушку.

Потом ее вдруг осенило, она хотела поднять листовку, но было уже поздно.

Листовку подняла Хуан Цюя, пробежала глазами и воззрилась на тетушку. Еще раз глянула на листовку, в спрятанных за толстыми стеклами очков глазах вдруг загорелся дьявольский огонек, и она издала презрительный смешок. Тетушка рванулась вперед, чтобы выхватить листовку, но Хуан Цюя крутнулась в сторону. Тетушка вцепилась ей в халат и крикнула:

- Отдай!

Хуан Цюя дернулась, и халат с треском порвался, обнажив белую, как у лягушки, кожу на спине.

- Отдай!

Хуан повернулась, держа руку с листовкой за спиной, задрожала всем телом и стала пятиться к дверям.

- Отдать тебе? - с мрачным удовлетворением хмыкнула она. - Тебе, подлой шпионке! Любовнице предателя! Дешевке, с предателем спутавшейся! Что страшно стало? Наверное, не будешь больше предлагать свое вонючее «сирота пламенного революционера»?

Тетушка бросилась к ней как безумная.

Хуан Цюя припустила бегом по коридору с пронзительными воплями:

- Шпионку поймали! Шпионку поймали!

Тетушка бросилась вдогонку и схватила ее за волосы. Вывернув шею назад и вверх, Хуан Цюя тянула руку с зажатой в ней листовкой вперед и издавала еще более пронзительные крики. В те времена в здравпункте было два ряда помещений: впереди - амбулаторный прием, позади - служебные помещения.

Заслышав крики, оттуда высыпали люди. Тетушка уже сидела на Хуан Цюя верхом и изо всех сил пыталась вырвать листовку.

Прибежал главврач. Это был лысый мужчина средних лет с вытянутыми глазами-щелочками и мешками под ними и полным ртом чрезмерно белых искусственных зубов.

– Прекратите! – закричал он. – Что вы делаете?

Словно не слыша его окрика, тетушка стала еще яростнее выворачивать руку Хуан Цюя. У той уже вырывались не пронзительные вопли, а рыдания.

– Прекрати, Вань Синь! – И главврач, задыхаясь от ярости, обрушился на стоявших вокруг: – Вы что, ослепли? Быстро растащите их!

Выступившие вперед двое мужчин-врачей не без труда стащили тетушку с Хуан Цюя.

Пара женщин помогли Хуан Цюя встать с пола.

Очки у нее упали, из щелей между зубов текла кровь, из глубоких глазниц – грязные полоски слез. Но она по-прежнему крепко сжимала листовку.

– Главврач, вы должны вынести решение... – завывала она.

Одежда на тетушке была в беспорядке, лицо смертельно бледное, на щеках две кровавые царапины – ясное дело, Хуан Цюя своими ногтями постаралась.

– Вань Синь, что, в конце концов, произошло? – спросил главврач.

Тетушка измученно улыбнулась, из глаз у нее брызнули слезы, из руки на пол посыпались клочки листовки. Покачиваясь, она молча побрела в отделение гинекологии.

В это время Хуан Цюя, словно герой, совершивший подвиг, перенеся невероятные страдания, передала главврачу скомканную листовку. Потом встала на колени и стала нащупывать свои очки.

Одна дужка у очков была сломана, она нацепила их на нос, поддерживая рукой. Увидев оброненные тетушкой обрывки листовки, она торопливо подползла к ним на коленях, схватила, будто бесценный клад нашла, и встала.

- Что это за штуковина? - спросил главврач, разглаживая листовку.

- Реакционная листовка, - сообщила Хуан Цюя, передавая ему обрывки, как нечто ценное. - Вот еще, это листовка, которую прислал Вань Синь сбежавший на Тайвань Ван Сяоти!

Врачи и медсестры разом охнули.

У главврача была дальновзоркость, и он отвел листовку подальше, чтобы лучше видеть. Врачи и медсестры сгрудились вокруг.

- Ну что уставились? Что тут интересного? Все по рабочим местам! - выговорил он всем, убрав листовку. И продолжил: - А тебя, доктор Хуан, прошу пройти со мной.

Хуан Цюя зашла вслед за ним в кабинет, а врачи с медсестрами по двое, по трое принялись негромко обсуждать случившееся.

В это время в гинекологическом отделении раздавались горькие рыдания тетушки. Понимая, что это несчастье произошло из-за меня, я, весь сжавшись, заставил себя войти. Тетушка сидела на стуле, положив голову на стол, рыдала и колотила об него кулаками.

- Тетушка, - позвал я, - мама прислала тебе крольчатины.

Не обращая на меня внимания, она продолжала плакать.

- Тетушка, - тоже захныкал я, - не плачьте, поешьте вот крольчатины...

Я положил пакет на стол, распаковал и подвинул миску к тетушкиной голове.

Тетушка смахнула ее на пол, и чашка разлетелась на куски.

– Прочь! Прочь! Прочь! – подняв голову, зарычала она. – Мерзавец этакий! Вон!

11

Только потом я понял, какую большую беду принес.

После того как я умчался из здравпункта, тетушка вскрыла артерию на левой руке и, обмакнув указательный палец правой руки, написала кровью записку: «Я ненавижу Ван Сяоти! При жизни я человек партии, после смерти стану ее духом!»

Когда эта Хуан Цюя с самодовольным видом вернулась в кабинет, кровь уже растеклась до самого входа. Хуан взвизгнула и грохнулась в обморок.

Тетушку спасли, но она была наказана: ее оставили в партии с испытательным сроком. Основанием для наказания стало не сомнение в том, что у нее действительно была связь с Ван Сяоти, а то, что попыткой самоубийства она пыталась устроить партию.

12

Осенью тысяча девятьсот шестьдесят второго года в дунбэйском Гаоми с тридцати тысяч му земли собрали невиданный урожай бататов. Бесплодная земля, которая не давала ни зернышка и из-за которой у нас три года шли раздоры, сменила гнев на милость и вернулась к своей природе, принесла щедрый урожай. В среднем с каждого му в тот год собрали больше десяти тысяч цзиней. Вспоминая о том, как проходил тогда сбор урожая, я ощущаю необъяснимое волнение. Каждый посаженный батат принес множество плодов. У нас в деревне самый большой клубень весил почти тридцать восемь цзиней. С этим гигантом сфотографировался секретарь уездного парткома Ян Линь, и фотографию напечатали как сенсацию в газете «Дачжун жибао».

Бататы дело хорошее, что говорить. Их в тот год не только уродилось много, было высоко содержание крахмала, начинаешь варить – рассыпается, пахнут каштанами, вкусные, питательные. Кучи батата лежали в каждом дворе по всему дунбэйскому Гаоми, везде на стенах натягивали проволоку с нарезанными кусочками. Мы стали есть досыта, наконец-то досыта, время, когда питались корешками и корой с деревьев, прошло, годы, когда люди умирали от голода, безвозвратно канули в прошлое. Ноги у нас больше не отекали и не немели по дороге, кожа на животе становилась толще, сами животы – меньше. Под кожей завязывался жирок, глаза были уже не такие тусклые, и росли мы быстрее. В это же время у наедавшихся досыта женщин мало-помалу наливались груди, понемногу налаживались месячные. Мужчины выпрямляли спины, у них снова росли бороды и усы, возвращалось и половое влечение. Спустя два месяца после возвращения сытой жизни почти все молодые женщины в деревнях забеременели. На начало зимы 1963 года в дунбэйском Гаоми пришелся первый после основания КНР пик рождаемости. В том году только в пятидесяти двух деревнях нашей коммуны родилось две тысячи восемьсот шестьдесят восемь младенцев. Этих детей тетушка называла «бататниками». Главврач здравпункта был человек добродушный и славный. После попытки самоубийства тетушка поправлялась у нас дома, он приходил навещать ее. Он приходился двоюродным племянником бабушке. Этот наш дальний родственник считал, что тетушка совершила глупость, и выражал надежду, что она выкинет все из головы и будет хорошо работать. Партия и народ все видят, говорил он. Хорошего человека понапрасну обвинять не станут и плохому спуску не дадут. Он призывал тетушку верить партии и конкретными делами доказывать свою невиновность, добиваться скорейшего восстановления в партийных рядах. «Ты не такая, как Хуан Цюя, – по секрету признавался он. – Человек она по природе скверный, а ты, как говорится – „и корни красные, и побеги правильные“, хоть и свернула на время на кривую дорожку, но стоит приложить усилия, и перед тобой откроется светлый путь».

После его слов тетушка вновь разразилась рыданиями.

Расплакался и я.

Едва встав на ноги после потери крови, тетушка с головой окунулась в работу. Хотя в то время в каждой деревне были прошедшие курс обучения акушерки, многие женщины все же хотели рожать в здравпункте. Оставив былую неприязнь, тетушка работала бок о бок с Хуан Цюя то врачом, то медсестрой, иногда по несколько дней и ночей не смыкала глаз, вернула с того света

множество женщин и детей. За пять с лишним месяцев они приняли восемьсот восемьдесят младенцев, в том числе провели восемнадцать операций кесарева сечения. Тот факт, что в маленьком гинекологическом отделении здравпункта коммуны, где было всего два врача, смогли проделать такую огромную работу, сразу привлек всеобщее внимание. Даже такой заносчивый человек, как тетушка, не могла не восхищаться высокой врачебной квалификацией Хуан Цюя. На самом деле за то, что она впоследствии стала в дунбэйском Гаоми медицинским светилом, совмещающим традиционные и современные методы в лечении женщин и детей, нужно благодарить ее заклятого врага.

Хуан Цюя – старая дева, за всю жизнь, наверное, ни с кем даже не встречалась. Характер у нее был странный, но это ей можно простить. Уже будучи в годах, тетушка не однажды рассказывала нам про своего старого врага. Хуан Цюя. «Золотая невеста» из семьи шанхайского капиталиста, выпускница знаменитого университета, оказавшись у нас в дунбэйском Гаоми, воистину была «павшим фениксом, который и с курицей не сравнится!» «Кто же эта курица? – как бы в самооправдание задавалась вопросом тетушка. – А эта курица – я. Курица, сцепившаяся с фениксом. Потом она и вправду получила от меня взбучку, увидит меня – аж задрожит вся, словно глотнувшая никотиновой смолы змея о четырех ногах. В те времена все словно с ума посходили, – вздыхала тетушка. – Как вспомнишь, просто кошмарный сон какой-то. Хуан Цюя – прекрасный врач-гинеколог, утром изобьют в кровь, а после обеда уже стоит у операционного стола, да еще сосредоточенная, спокойная, за окном хоть сцену устанавливай и пьесу пекинской оперы играй, ей хоть бы что. Руки такие умелые, что вышивать у женщины на животе могла...» Всякий раз на этом месте тетушка раздражалась хохотом, но после смеха у нее могли выступить слезы.

13

Тетушкино замужество уже стало сердечной болью нашей семьи, горевало не только старшее поколение, переживал даже я, десятилетний постреленок. Но никто не смел при ней упоминать про это, потому что она сердилась.

Весной 1966 года утром на праздник Цинмин[31 - Цинмин – день поминовения усопших.] тетушка явилась в деревню для обследования женщин детородного возраста вместе с ученицей – мы тогда знали ее лишь по прозвищу Львенок –

восемнадцатилетняя, угреватое лицо, нос чесночиной, широко расставленные глаза, растрепанные волосы, небольшого росточка, довольно упитанная. После окончания работы тетушка пришла вместе с ней на обед.

Блины со свининой, яичница, лук, густой соевый соус.

Мы уже давно поели и смотрели, как уплетают тетушка со Львенком.

Львенок выглядела очень смущенной, не смела глаз поднять, угри на лице как фасоль.

Матушке эта девица вроде бы понравилась, она ее расспрашивала о том о сем, оглядывала, будто хотела завести речь о замужестве.

- Ты, сестрица, что-то разговорилась, никак человека в невестки метишь? - подначила тетушка.

- Ну что ты, - отвечала матушка. - Мы крестьяне, куда нам тянуться за большими людьми? Барышня небось казенный хлеб ест, нешто она пара твоим этим племянникам?

Львенок опустила голову еще ниже, у нее и еда в горле застряла.

Тут прибежали мои одноклассники Ван Гань и Чэнь Би. Глядевший только прямо перед собой Ван Гань наступил на глиняную плошку с кормом для кур и расколотил ее.

- Не парень, а медведь какой-то, - заругалась матушка. - Что же ты ходишь и под ноги не смотришь?

Тот почесал шею и глупо хихикнул.

- Как твоя младшая сестра, Ван Гань? - спросила тетушка. - Подросла немного, нет?

- А-а, такая же... - промямлил Ван Гань.

- Вернешься домой, скажи отцу... - Тетушка проглотила кусок блина, вытащила носовой платок и вытерла губы. - Матери твоей ни в коем случае нельзя больше рожать. Станет рожать, матка так на землю и выпадет.

- Не надо бы им про женские дела говорить, - вставила матушка.

- А что тут такого? - возразила тетушка. - Пусть знают, у женщин все очень непросто. У вас в деревне у половины женщин опущение матки, у другой половины - воспаления. У матери Ван Ганя матка выпала во влагалище, словно груша перезревшая, а Ван Туй еще одного сына хочет! Надо на днях встретиться с ним... Вот и Чэнь Би, у его матери тоже...

Тут матушка перебила ее и прикрикнула на меня:

- Катись-ка ты вон вместе со своей бандой, нечего тут людям докучать!

Когда мы вышли в переулок, Ван Гань сказал:

- Сяо Пао, ты должен нас жареным арахисом угостить!

- С какой это стати?

- Потому что у нас для тебя секрет, - сказал Чэнь Би.

- Какой еще секрет?

- Сначала арахис.

- У меня денег нет.

- Как это нет? - удивился Чэнь Би. - А кто из тракторной бригады госхоза лист бросовой меди стянул и сбыл за юань и два мао, думаешь, не знаем?

- И ничего не стянул, - спешно оправдывался я. - Они сами выбросили за ненужностью.

– Ладно, пусть не стянул. Но ведь сдал за юань и два мао, верно? Быстренько давай угощай! – И Ван Гань указал на качели рядом с гумном. Вокруг них было много народу, качели поскрипывали. Там один старик продавал жареный арахис.

Дождавшись, пока я поровну разделил купленные на три мао орешки, Ван Гань торжественно заявил:

– Сяо Пао, твоя тетушка выходит за секретаря уездного парткома, это у него второй брак!

– Чушь! – бросил я.

– А когда твоя тетушка станет женой секретаря уездного парткома, ваша семья тоже внакладе не останется, – подхватил Чэнь Би. – Твой старший брат, второй брат, старшая сестра и ты скоро в город переедете, на работу устроитесь, будете из казенного котла питаться, в университет поступите, ответственными парработниками – ганьбу – станете, вот ты нас тогда и не забудь!

– А эта Львенок и впрямь ничего! – неожиданно выпалил Ван Гань.

14

В ту пору, когда рождались «бататники», глава семьи при регистрации прописки в коммуне мог получить талоны на один чжан шесть чи пять цуней ткани и два цзиня соевого масла. Родившие двойняшек могли рассчитывать на двойное вознаграждение. У отцов семейств, глядевших на это золотисто-желтое масло и теребивших пахнущие типографской краской талоны, влажнели глаза и бились от волнения сердца. Как же славно в новом обществе! Рожает детей и еще за это что-то получаешь. Как говорила моя матушка: «Государству не хватает людей, государство ждет работников, государство дорожит людьми».

Испытывая в душе признательность, народные массы в то же время тайно принимали решение: нужно обязательно рожать больше детей, ответить на заботу государства. Жена кладовщика зернового склада коммуны Сяо Шанчуня – она же мать моего одноклассника Сяо Сячуня – уже родила Сяо Сячуню трех

младших сестер, самую младшую еще не отняла от груди, а живот у нее опять стал закругляться. Гоня с выпаса корову, я нередко видел Сяо Шанчуня, который проезжал на стареньком велосипеде через мостик. Под тяжестью его дебелой туши велосипед скрипел на все лады. Бывало, кто-нибудь из деревенских в шутку интересовался: «И сколько же тебе годов, почтенный Сяо? И ночью передохнуть не удастся?» Тот с ухмылочкой отвечал: «Нет, отдохнуть некогда, надо для государства людей клепать, не жалея сил!»

В конце 1965 года из-за стремительного роста населения наверху забеспокоились. Впервые со времени основания нового Китая поднялась высокая волна планирования рождаемости. Власти выдвинули лозунг: «Один не мало, двое как раз, трое много». Когда приезжала кинопередвижка из уезда, перед основной картиной дополнительно показывали диапозитивы, популяризирующие знания о планировании рождаемости. Когда на экране появлялись большущие картинки с изображением мужских и женских половых органов, в темноте раздавались пронзительные выкрики и дикий хохот. Мы, подростки, тоже бестолково шумели, а многие молодые люди тайком прижимались друг к другу. Подобная пропагандистская кампания против беременности больше походила на возбуждающее средство для ее ускорения. Уездная театральная труппа организовала с десятков бригад, которые ездили по деревням и исполняли одноактную пьеску «Половина неба»[32 - Часть поговорки «Женщины держат половину неба».], в которой подвергалась критике предпочтение мальчишкам и пренебрежение девочками.

В то время тетушка уже стала заведующей гинекологическим отделением здравпункта коммуны, а по совместительству – заместителем руководящей группы коммуны по планированию рождаемости. Возглавлял группу секретарь парткома коммуны Цинь Шань, но чисто номинально, делами он почти не занимался. По сути дела работой по планированию рождаемости в коммуне руководила, организовывала ее и проводила моя тетушка.

Она подраздалась, стали желтеть белые зубы – предмет зависти многих, которые ей недосуг было чистить, в голосе появились хрипловатые мужские нотки.

Мы нередко слышали ее выступления из громкоговорителей, и начинала она в основном такими словами: «Каждый занимается тем, что хорошо умеет делать. Что делает, о том и кричит. Специальность – любимая тема разговора. Вот мы сегодня и поговорим о планировании рождаемости...»

В тот период авторитет тетушки среди народа отчасти снизился, сплетничать про нее стали даже женщины, которым она сделала много добра.

Хотя она взялась за работу по планированию рождаемости не жалея сил, результаты были ничтожны, никто из земляков ее не поддержал. Во время выступления у нас в деревне уездной театральной труппы, когда главная героиня на сцене пропела «Времена теперь другие, мужчина и женщина равны», стоявший рядом отец Ван Ганя Ван Цзяо громко выругался: «Чушь собачья! Равны? Кто посмел сказать „равны“?!» Толпа у сцены загудела, начался галдеж и крики. На сцену полетели обломки черепицы. Обхватив головы руками, артисты обратились в бегство. Ван Цзяо, который в тот день после полуцзиня водки был под хорошим хмельком, разошелся не на шутку, растолкал всех, нетвердой походкой выскочил на сцену и, размахивая руками, стал орать: «И так небом и землей правите, а еще задумали учить, рожать народу детей или не рожать? Ежели вы такие умные, найдите веревку и бабам их хозяйства-то позашивайте». Толпа грохнула смехом. Ван Цзяо еще больше разошелся, поднял со сцены кусок черепицы, прицелился и метнул в ослепительно-яркую газовую лампу, висевшую на передней поперечной балке. Лампа погасла, сцена и пространство перед ней погрузились в кромешную тьму. Ван Цзяо за это просидел под арестом полмесяца. Но когда его выпустили, он и не думал сдаваться и при встрече с кем-нибудь зло заявлял: «Ежели так дело пойдет, они и елду мне оттяпают!»

Раньше, когда тетушка приходила к нам, все ее тесно окружали и приветствовали; теперь же, стоило ей появиться, ее холодно избегали. Матушка поинтересовалась:

– Ты, сестрица, эти дела с планированием рождаемости сама придумала или сверху заставили?

– Что значит «сама придумала»! – вспыхнула тетушка. – Это призыв партии, указание председателя Мао, политика государства. Председатель Мао говорит: «Человечеству нужно ограничивать себя, довести дело до запланированного роста»[33 - Цитата из выступления Мао Цзэдуна на заседании Госсовета в феврале 1957 года.].

– С древности повелось, что рождение детей – непреложный закон неба и земли, – покачала головой матушка. – Во времена династии Хань император

издал указ, согласно которому всех девиц, которым исполнилось тринадцать лет, надлежало выдавать замуж. В противном случае старших членов семьи привлекали к ответу. Если женщины не будут рожать детей, где государство наберет солдат? День за днем трубят о том, что на нас собираются напасть, каждый день кричат об освобождении Тайваня, а если не давать женщинам рожать, откуда эти солдаты возьмутся? Не будет солдат, кто будет отражать американскую агрессию? Кто Тайвань освободить будет?

– Ты, сестрица, брось эти прописные истины мне излагать, – отвечала тетушка. – Председатель Мао, наверное, помудрее тебя будет. А он говорит: «Без контроля населения никак нельзя! Если и дальше так будет продолжаться, без организации и без дисциплины, считаю, что человечество может погибнуть раньше времени».

– Председатель Мао говорит: «Больше людей – больше силы, больше людей – лучше справляться с делами, человек – живое сокровище, есть люди, есть и мир»! – возразила матушка. – А еще председатель Мао говорит: «Не позволять небесам насыпать дождь неправильно, не разрешать женщинам растить детей тоже неправильно».

Тетушка не знала, плакать ей или смеяться:

– Знаешь, сестрица, за такую вот подделку цитат председателя Мао, искажение мудрых указаний, в прошлом головы рубили. Мы тоже не говорим, что нужно запретить людям иметь детей, лишь призываем рожать меньше, по плану.

– Сколько детей человек рождает за жизнь, предначертано судьбой, – парировала матушка. – Зачем тут, спрашивается, ваше планирование? По мне, так вы уподобляетесь слепому, зажигающему фонарь – все это бесполезные усилия.

Тетушкины усилия и впрямь, как сказала матушка, оказывались потраченными впустую, да еще худая слава пришла. В самом начале председателям женских комитетов в деревнях вручали бесплатные презервативы с тем, чтобы они распределяли их среди женщин детородного возраста, а также требовали от их мужей, чтобы те их надевали. Однако эти презервативы или выбрасывали в свинарники, или надували, как воздушные шарики, еще и покрасив, и давали играть детям. Еще тетушка с коллегами рассылала по всем дворам женские противозачаточные средства, но женщины считали, что те вызывают слишком

серьезные отрицательные последствия, и отказывались принимать их. Даже если их заставляли тут же принять их, стоило уйти, как они залезали в горло пальцами или палочками для еды и изрыгали их со рвотой. Вот и решили применить способ стерилизации мужчин перевязыванием семенного канала.

Тогда в деревне ходили упорные слухи, что стерилизацию мужчин придумала тетушка на пару с Хуан Цюя. Некоторые утверждали, что вклад Хуан Цюя выражается в теоретическом замысле, а вклад тетушки – в его клинической реализации. Сяо Сячунь на полном серьезе утверждал: «Эти две извращенки замужем не были, смотреть, как мужья с женами милуются, им тошнехонько, вот и придумали, как оставить всех без потомства». Еще он говорил, что тетушка с Хуан Цюя сначала проводили опыты на поросятах, потом на обезьянах, а в конце концов на десятирех смертниках, которым после успешного проведения опытов изменили приговор на пожизненное заключение. Конечно, очень скоро мы узнали, что его рассказы – полная чушь.

В те времена из репродукторов нередко раздавался звучный голос тетушки: «Вниманию ответственных партработников больших производственных бригад, вниманию ответственных партработников больших производственных бригад! В соответствии с решениями восьмого заседания рабочей группы коммуны по планированию рождаемости, любая женщина, родившая более трех детей, а также мужчина, имеющий больше трех детей, обязаны явиться в здравпункт коммуны для проведения операции по стерилизации. После операции выдается пособие на питание в размере двадцати юаней, предоставляется недельный отпуск и соответствующее число трудодней...»

Прослушав это обращение, мужчины собирались в кучки и сетовали: «Мать твою, ну ладно, кастрируют свиней, быков, холостят мулов и жеребцов, но где видано, чтобы людей холостили? В дворцовые евнухи мы не собираемся, зачем тогда это?» Отвечающие в деревне за планирование рождаемости объясняли им, что стерилизация – всего лишь... Но те выпучивали глаза: «Это вы сейчас гладко говорите, а ляжешь на операционный стол, наркоз вколют, и эти две на яйцах не остановятся, заодно и елду поотчищают! Придется, как бабам, на корточках малую нужду справлять».

Гораздо более благоприятная, чем у женщин, с несложной операцией и незначительными последствиями, стерилизация мужчин наталкивалась на одно препятствие за другим. В здравпункте навели блеск и ждали посетителей, но никто не приходил. Из уездного штаба по планированию рождаемости каждый

день по телефону торопили с отчетностью и оставались очень недовольны тетушкиной работой. Партком коммуны собрался по этому поводу на специальное совещание, на котором было принято два постановления: во-первых, начать стерилизацию мужчин с руководства коммуны, затем распространить это на простых партработников и обычных рабочих и служащих. В деревнях заводилами должны стать ганьбу больших производственных бригад, за ними должен последовать простой народ. Во-вторых, против тех, кто сопротивляется стерилизации, придумывает и распространяет насмешливые песенки, применить диктатуру пролетариата, тех, кто подходит под требования стерилизации, но отказывается от нее, сначала лишить права трудиться в больших производственных бригадах, а если и потом не подчинятся, лишать продовольственного пайка. Будут противиться ганьбу – отстранять от должности; будут выступать против рабочие и служащие – увольнять с работы; не будут соглашаться коммунисты – исключать из партии.

С речью по радио выступил сам секретарь парткома коммуны Цинь Шань. Он сказал, что планирование рождаемости тесно связано с планами развития экономики государства и улучшения благосостояния народа, что везде на местах, в каждой большой производственной бригаде нужно уделять этому пристальное внимание, ганьбу и члены партии, которые соответствуют требованиям стерилизации, должны идти на это первыми, показывать пример народным массам. Цинь Шань вдруг заговорил с другой интонацией и по-простому, по-житейски сказал: «Товарищи, взять, к примеру, меня: жене по болезни удалили матку, но, чтобы рассеять страхи народа перед стерилизацией, я решил завтра утром пойти в здравпункт и сделать эту операцию».

В своем выступлении секретарь Цинь призвал активно подключиться комсомол, женсоюз, школу, вести широкую пропаганду, поднять бурную волну «стерилизации». Как и при проведении других кампаний, наш самый блестящий литературный талант, учитель Сюэ сочинил стишки куайбань[34 - Куайбань - частушки, исполняемые под аккомпанемент бамбуковых дощечек.], мы срочно заучили их наизусть и группами по четверо с рупорами из картона или жести забирались на крыши домов, верхушки деревьев и голосили оттуда:

Коммунар, не суетись и напрасно не страшись.

Операция проста, и не то, что для скота,

Малая, в полцуня, ранка, полчаса – и можешь встать.

Нет ни крови и ни пота, в тот же день иди работай...

В ту необычную весну, по словам тетушки, во всей коммуне было сделано шестьсот сорок восемь операций по стерилизации мужчин, она сама произвела триста десять. По сути дела, как только объяснили, что к чему, определили правильную политику, когда руководители выступили застрельщиками и взялись за осуществление на разных уровнях, облагоразумился и народ. На те многочисленные операции, которые проводила она, людей по большей части приводили деревенские ганьбу и руководители организаций. Тех, кто по-настоящему упорствовал и к кому применяли некоторые меры пресечения, было лишь двое. Один – наш деревенский возница Ван Цзяо, другой – кладовщик зернового склада Сяо Шанчунь.

Происхождение у него было правильное, вот Ван Цзяо и выступал против и бесчинствовал. Когда его выпустили из-под ареста, он нес сплошную околесицу и с каждым, кто осмеливался загнать его на стерилизацию, схватывался не на жизнь, а на смерть. Мой приятель Ван Гань, который влюбился в тетушкину помощницу Львенка, в избытке чувств склонялся на тетушкину сторону. Он сам предложил отцу пойти на стерилизацию и в результате получил пару оплеух. Когда Ван Гань выскочил за ворота, Ван Цзяо погнался за ним с кнутом в руке. Он преследовал его до самого пруда на околице, и там они стали ругаться через пруд. «Ты, собачий сын, еще смеешь агитировать отца на стерилизацию!» – орал Ван Цзяо. «Раз ты меня собачьим сыном называешь, значит, я собачий сын и есть», – отвечал Ван Гань. Ван Цзяо, подумав, понял, что ругать сына – все равно что ругать себя самого, и пустился вокруг пруда в погоню. Так они и отмеряли круг за кругом, будто мельничный жернов крутили. Зеваки набежали во множестве, подстрекая обоих одобрительными криками и смехом.

Ван Гань стащил из дома острую кавалерийскую саблю и принес секретарю деревенской партиячейки Юань Ляню, сказав, что это орудие убийства приготовил его отец. По словам Ван Ганя, его отец заявил, что зарубит этой саблей любого, кто осмелится погнать его на стерилизацию. Юань Лянь не решился пренебречь этим, взял саблю, отправился в коммуну и доложил об этом партсекретарю Цинь Шаню и моей тетушке. Цинь Шань в гневе аж по столу шлепнул: «Опять он! Нарушать планирование рождаемости – это контрреволюционная деятельность!» – «Если вопрос с Ван Цзяо не решить, ситуацию переменить будет очень трудно». Юань Лянь согласился, мол, в деревне все мужчины, подлежащие стерилизации, смотрят на Ван Цзяо. «Арестовать этого подающего отрицательный пример типа», – велел секретарь

Цинь.

Для поддержки прибыл офицер безопасности коммуны Лао Нин, и председатель женсоюза, командир роты ополченцев с четырьмя бойцами под предводительством Юань Ляня ворвались во двор Ван Цзяо.

Жена Ван Цзяо с грудным ребенком на руках в тени дерева сплетала соломенный жгут. Увидев агрессивно настроенных людей, она отбросила работу, села на землю и разревелась.

Стоявший под стрехой дома Ван Гань молчал.

Ван Дань сидела на пороге большой комнаты и разглядывала в маленьком зеркальце свое изящное личико.

– Ван Цзяо, выходи! – крикнул Юань Лянь. – А то гляди у меня: не пьешь из уважения, выпьешь штрафную. Все тут, и офицер безопасности коммуны Нин тоже. Сегодня скрылся, завтра уже не скроешься. Настоящий мужчина действует сразу, не раздумывая.

Председатель женсовета обратилась к жене Ван Цзяо:

– Ты, Фан Ляньхуа, не реви. Скажи мужу, пусть выходит.

Внутри дома стояла тишина. Юань Лянь глянул на Нина. Тот махнул ополченцам, и те вчетвером с веревками в руках рванулись в дом.

Тут стоявший под стрехой Ван Гань подмигнул офицеру безопасности и показал губами на свинарник в углу двора.

У того одна нога была короче другой, но двигался он очень проворно. У входа в свинарник он остановился и крикнул, вытащив маузер:

– Ван Цзяо, вылазь!

Ван Цзяо выбрался наружу, голова в паутине. Его окружили четверо ополченцев с веревками наготове.

– Ты, колченогий Нин, чего разорался? – гневно бросил Ван Цзяо, утерев пот с лица. – Думаешь, твоей ломаной железяки испугаюсь?

– Никто пугать тебя не собирается, – отвечал Лао Нин. – Послушно ступай со мной, и никаких проблем.

– А если не послушно, что тогда? Неужто стрелять начнешь? Стреляй сюда, если уж на то пошло. – И Ван Цзяо указал себе на мотню. – Лучше из своего пистолетика отстрелишь, чем эти бабенки ножом откромсают.

– Что за чушь несешь, Ван Цзяо, – подала голос председатель женсовета. – Когда стерилизуют мужчин, делов-то – один канальчик зашить...

– Это тебе хозяйство зашить надо! – рявкнул Ван Цзяо, указывая на ее мотню.

– Давай, вяжи его! – махнул маузером Нин.

– А ну, поглядим, кто у вас такой смелый?! – Ван Цзяо обернулся и схватил лопату. – Кто подойдет, враз голову снесу! – выдохнул он, и глаза его засверкали зеленым огоньком.

В это время встала со своим зеркальцем его миниатюрная дочка Ван Дань. Ей тогда было уже тринадцать, а росточку всего семьдесят сантиметров. Хоть ростом не вышла, в остальном ладная, как статуэтка, ну словно красавица из страны лилипутов. Своим зеркальцем она навела ослепительный луч света на лицо Ван Цзяо. Ротик ее при этом растянулся в слабой невинной улыбке.

Воспользовавшись тем, что яркий свет ослепил Ван Цзяо, ополченцы набросились на него, вырвали лопату и связали руки за спиной.

Как раз в тот момент, когда ополченцы собирались связать ему руки, он вдруг заплакал в голос. Да так горько, что расстроились даже зеваки, забравшиеся на забор вокруг двора и толпившиеся у ворот. Ополченцы с веревками на какой-то миг опешили.

– Разве это по-мужски, Ван Цзяо? – сказал Юань Лянь. – Так испугаться простенькой операции! Вот я первый сделал, ну ни на что не повлияло, не

веришь, пусть твоя жена у моей спросит!

– Хорош языком чесать, господа хорошие, – всхлипнул Ван Цзяо. – Пойду с вами, чего уж тут.

Тетушка рассказывала, что образцом отрицательного персонажа в коммуне был этот ублюдок Сяо Шанчунь. Он стоял насмерть, ссылаясь на то, что работал в подземном госпитале Восьмой армии санитаром-носильщиком. Но когда его вопрос изучил партком коммуны и постановил лишить занимаемой должности и отправить назад в деревню заниматься крестьянским трудом, он сам примчался в здравпункт на своем старом велосипеде. По словам тетушки, он захотел, чтобы операцию ему провела именно она. Человек похотливый и аморальный, да еще и пошляк, прежде чем лечь на операционный стол, он приставал к Львенок с вопросами: «Барышня, вот никак не разберусь. В народе говорят: „Сперма вытекает сама, как накопится“, а вот вы семявыводящий проток перевяжете, как тогда с ней быть? Не случится так, что живот лопнет?»

Львенок покраснела до ушей и посмотрела на меня. «Готовь кожу!» – велела я.

При этом у него таки случилась эрекция. Львенок никогда не видела такого, бросила скальпель и метнулась в сторону. «А ну поменьше нездоровых мыслей!» – сказала я. А этот тип нахально заявляет: «У меня мысли здоровые, он сам затвердел, что поделаешь?» – «Ах так!» – Схватив молоточек с резиновым наконечником, тетушка прицелилась и безжалостно вдарила по его штуковине, та и увяла.

Тетушка говорит, что может поклясться перед небом: операции Ван Цзяо и Сяо Шанчуню она провела с необычайным старанием, и они прошли чрезвычайно успешно. Но Ван Цзяо не успел даже спину выпрямить после операции, как тут же заявил, что она ему всю психику разрушила. А Сяо Шанчунь без конца заявлялся в здравпункт скандалить, неоднократно ездил в уезд жаловаться, говоря, что тетушка нарушила ему все сексуальные способности... По ее мнению, у Ван Цзяо, может, и были психические отклонения, а вот Сяо Шанчунь морочил голову на все сто. Во время «великой культурной революции», когда он встал во главе всех хунвейбинов, никто не знает, сколько девиц он испортил. Если бы не прошел стерилизацию, еще опасался бы их обрюхатить, что могло плохо для него кончиться, а после стерилизации уже ничего не боялся!

Народу на массовое собрание на тему классовой борьбы и критики секретаря уездного парткома Ян Линя собралось слишком много, помещения, чтобы всех вместить, не было, поэтому занимавший тогда пост председателя ревкома [35 - Ревкомы - органы власти из представителей народа, партии и армии, созданные в КНР в 1967 году вместо разогнанного партийного руководства. Отменены в 1978 году.] коммуны Сяо Шанчунь принял оригинальное решение провести его на северном берегу реки Цзяохэ, у защитных сооружений против наводнений. Зима была в самом разгаре, вода скована толстым слоем льда, куда ни глянь, мир будто стеклянный. О том, что собрание будет проводиться именно здесь, я в деревне узнал первым. Потому что часто сбегал сюда с уроков развлечься. В тот день я как раз, продолбив лунку у пролета шлюза, ловил рыбу, когда услышал громкий разговор над головой и по голосу признал Сяо Шанчуна. У него такая глотка, что из тысячи человек отличить можно.

- Просто замечательный северный пейзаж, мать твою! Вот здесь массовое собрание критики и осуждения и проведем, а стол президиума на этом шлюзе установим.

Тут изначально была низина, а позже для обеспечения безопасности в нижнем течении реки Цзяохэ на дамбе устроили отводящий шлюз. Всякий раз, когда летом или осенью река разливалась, открывали этот шлюз, и низинка превращалась в озерцо. В то время мы, дунбэйские, были очень недовольны этим, потому что это тоже какая-никакая земля. Если не сеять что другое, то гаоляном вполне засеять можно. Но раз уж государство что задумало, где уж тут простолюдинам выступать против. Прогуливая уроки, я не раз прибежал сюда и смотрел, как бурные потоки высокой воды бьют из двенадцати сливных отверстий. Когда вода в реке спадала, обширная низинка превращалась в озеро десять с лишним ли в окружности. Рыбы и раков там водилось полно, рыбаки собирались толпами, продавцов рыбы тоже становилось все больше. Поначалу они со своими лотками размещались на шлюзе, потом места стало не хватать, и они переместились на восточный берег низинки, под стоящие там ивы, а потом еще дальше. Когда шла бойкая торговля, этот рынок растягивался больше чем на два ли. Рынок поначалу располагался у коммуны, а после возникновения рыбного торжка здесь, постепенно переместился сюда. Здесь стали продавать овощи, куриные яйца, жареный арахис. За продавцами прибыли и мелкие воришки, шпана и попрошайки - извечное приложение всякого рынка.

Руководство коммуны неоднократно посылало вооруженных ополченцев, чтобы выгнать их. Но перед появлением ополченцев они один за другим скрывались, а после их ухода, разведав обстановку, собирались снова. Так, на птичьих правах этот рынок и существовал.

Смотреть на рыбу – моя особая страсть. Мимоходом я разглядывал карпов, толстолобиков, карасей, сомов, змееголовов, угрей, крабов, вьюнов, двустворчатых моллюсков и прочую речную живность. Тут я видел самую большую рыбину, цзиней на сто с лишним, с белым брюхом, смахивающую на беременную женщину. Продававший ее старик весь сжался от страха, словно хранитель божества. У этих зыркающих во все стороны, прислушивающихся ко всему продавцов рыбы я был свой. Почему им приходилось оглядываться и прислушиваться? Потому что туда нередко наведывались инспекторы из налоговой службы коммуны, которые могли их рыбу конфисковать. Были в коммуне и некоторые деятели без определенных обязанностей, которые работали под инспекторов и могли отобрать товар хитростью или силой. Эту большущую рыбину весом больше ста цзиней чуть не забрали двое типов в синих френчах, с сигаретами в зубах и черными кожаными портфелями. Если бы не подоспевшая дочка этого старика, которая разревелась и устроила скандал, если бы не Цинь Хэ, раскрывший, кто они такие на самом деле, эта парочка точно утащила бы эту рыбину.

Цинь Хэ – нищий. Длинные волосы, расчесанные на широкий пробор, синий габардиновый студенческий китель, в кармане авторучка, как у доктора наук, двухцветная шариковая ручка «синьхуа» – в общем ни дать ни взять студент эпохи Движения 4 мая[36 - Движение 4 мая 1919 года – массовое антиимпериалистическое движение в Китае, обозначило массовую переориентацию с традиционной культуры на вестернизацию.]. Бледное лицо с безутешным выражением, влажные глаза, будто вот-вот заплачет. Он обладал превосходным талантом оратора, говорил всегда на путунхуа[37 - Путунхуа – букв. общепринятая речь; название общенационального китайского языка, основанного на пекинском диалекте (принят в 1955 году).], выговаривал каждую фразу, как актеры на сцене, – то, что впоследствии я написал пьесу, связано с его влиянием, – в руках он всегда держал большую керамическую кружку белой глазури, с выведенной на ней красным лаком пятиконечной звездой и иероглифом «цзян» – «помощь», «награда». Он останавливался перед торговцами рыбой и раками и проникновенно говорил: «Товарищ, я утратил трудоспособность. Вы можете сказать, такой молодой и нетрудоспособный? Вот что я скажу тебе, товарищ: тебе виден лишь мой внешний облик, а на самом деле у меня серьезная болезнь сердца. Меня пронзили мечом, и стоит мне

приняться за работу, шов на сердце разойдется, хлынет кровь, и я могу умереть. Поднеси рыбешку, товарищ, на большую и уповать не смею, мне бы небольшую, малюсенькую такую...» Ему всегда удавалось заполучить рыбку или рачка, после чего он бежал к воде, чистил ее маленьким ножиком, находил защищенное от ветра местечко, набирал хвороста, ставил пару кирпичей, кружку на них, зажигал огонь и варил... я часто стоял за его спиной и наблюдал, как он варит рыбу. От кружки разносился вкусный дух, от которого слюнки текли, и в глубине души я завидовал его образу жизни...

Младший брат секретаря парткома коммуны Цинь Шаня, Цинь Хэ когда-то был самым талантливым учеником первой уездной школы. Причины тому, чтобы младший брат партсекретаря коммуны просил милостыню на рынке, должны были быть непростые. Говорили, что он без ума влюблен в мою тетушку, испытал серьезное потрясение и пытался застрелиться из пистолета старшего брата. Оправившись от раны, он и стал таким. Поначалу некоторые смеялись над ним, но после того, как он помог старику отбить большую рыбину, продавцы рыбы стали смотреть на него другими глазами. Я чувствовал, что этот человек обладает какой-то притягательной силой, и хотел понять его. Стоило взглянуть в его влажные глаза, как сразу зарождалась симпатия. Однажды вечером, когда торговцы рыбой уже разошлись, он обратился лицом к закату и направился на запад, отбрасывая длинную тень. Я потихоньку увязался за ним. Хотелось узнать секрет этого человека. Обнаружив, что я следую за ним, он остановился, согнулся передо мной в глубоком поклоне и сказал: «Любезный приятель, не надо так». – «А я ничего и не так, любезный приятель», – ответил я, подражая его тону. «Я хочу попросить вас не следовать за мною», – жалобно пролепетал он. «Ты идешь, и я иду, – сказал я. – И ничего я за тобой не следую». Он покачал головой и тихо пробормотал: «Прошу пожалеть этого несчастного человека, дружище». И, повернувшись, зашагал вперед. Я по-прежнему шел следом. И тут он побежал. Бежал он большущими шагами, высоко вскидывая ноги, легко, раскачиваясь из стороны в сторону, будто фигурка из бумаги. Я бежал вслед, почти не тратя сил. Он остановился, тяжело дыша, с лицом желтым, как золотая фольга, и со слезами взмолился: «Дружище... Умоляю, оставьте меня... Я инвалид, перенес тяжелое ранение...»

Глядя на его силуэт и слыша, как у него из горла вырываются тихие всхлипывания, я, растроганный, остановился и больше не преследовал его. На самом деле ничего худого я не задумывал, хотелось лишь понять, как он живет, где он, например, ночует.

Ноги у меня в то время были длинные и тощие, а ступни большие. «В десять с лишним лет ребенку нужен сороковой размер обуви!» – частенько печалилась по этому поводу моя матушка. Физкультуру у нас в школе вел учитель Чэнь, когда-то член сборной уезда по легкой атлетике, настоящий мастер спорта, из «правых». Он прощупал мне ноги, словно мула покупал, заключил, что я – хороший материал, и стал уделять внимание моей подготовке. Учил, как надо поднимать ноги, как ступать, как регулировать дыхание, как распределять силы. Я успешно выступил на уездной спартакиаде среди учеников средней и младшей школы, занял третье место среди мальчиков на дистанции три тысячи метров. Поэтому мои побеги с уроков с посещением рыбного рынка стали полулегальными.

После той погони мы с Цинь Хэ подружились, и всякий раз при встрече он уважительно кивал мне. Он был старше меня на десяток лет, и дружба наша сложилась без учета разницы в годах. Кроме него на рынке было еще двое нищих, одного величали Гаомэнь – Знатный – широкоплечий, с большими ручищами, на вид силищи невпроворот; другого звали Лу Хуахуа – Красавица. Он был желтушный, но почему-то имел такое вот женское имя. В один прекрасный день эти два попрошайки, один с ивовой веткой, другой со старым башмаком, набросились на Цинь Хэ и изрядно поколотили его. Цинь Хэ сдачи не давал, а лишь твердил:

– Братишки любезные, коли забьете до смерти, лишь спасибо скажу. Только вот лягушек не ешьте... Лягушки – они друзья рода человеческого, нельзя их есть... У них внутри необычные паразиты имеются... Те, кто ест лягушек, слабоумными сделаться могут...

Под ивами горит костер, вьется сизый дымок, на костре несколько полусваренных лягушек, рядом с костром – лягушечьи шкуры, кости, разносится тошнотворный запах. Вот оно что, понял я, Цинь Хэ бьют за то, что он не дает им лягушек готовить и есть. Я смотрел, как его бьют, и на глаза навернулись слезы. Годы были голодные, лягушек ели многие. У нас дома к поедателям лягушек относились с крайней антипатией. Думаю, что в нашей семье не стали бы их есть, даже умирая от голода. В этом смысле мы с Цинь Хэ были заодно. Вытащив из костра горящую головню, я ткнул ею в зад Гаомэня, огрел Лу Хуахуа по шее и пустился бежать у края воды, а они за мной. Чтобы заманить их, я держал определенную дистанцию. Когда они остановились, не в силах гнаться за мной дальше, я изругал их, а еще забросал осколками старой черепицы.

В тот день толпы людей из всех сорока восьми деревень коммуны с красными флагами под грохот барабанов и гонгов прибыли кто по дороге, кто по реке, ведя под конвоем «подрывных элементов» из своей деревни, и собрались в заливной низине на собрание по критике и осуждению «каппутиста» [38 - «Каппутист» (то есть идущий по капиталистическому пути развития) - политический ярлык времен «культурной революции».] номер один» нашего уезда Ян Линя. Как вторичные объекты критики, прибыли руководители коммуны, начальники всех подразделений и «подрывные элементы» каждой деревни. Мы дошли по скользкому льду до самой середины реки. Некоторые были на самодельных коньках. Я увидел относившегося ко мне так по-доброму учителя физкультуры Чэня: в высоком колпаке, склеенном из бумаги, в соломенных сандалиях на босу ногу, с озорной улыбкой он шел за директором школы - тоже с высоким колпаком на голове, но печальным и хмурым. Их конвоировал, шагая сзади с копьем в руке, сын Сяо Шанчуня - Сяо Сячунь. Сяо Шанчунь стал председателем ревкома коммуны, а его сын - командиром отряда хунвейбинов нашей школы. На ногах у Сяо Сячуна белые кеды «хуэйли», которые он стащил с учителя Чэня, а на поясе заткнут стартовый пистолет. Пистолет производил лишь два хлопка, но для меня это был предмет зависти, сокровище, изначально общественная собственность. Сяо Сячунь то и дело вытаскивал его, заряжал порохом и палил в воздух. Раздавался выстрел, курился пороховой дым, и в воздухе разносился приятный запах селитры.

В начале революции я тоже хотел стать хунвейбином, но Сяо Сячунь не позволил. Сказал, что я - черный заводила, возвращенный «правым» учителем Чэнем. А еще сказал, что мой прадед не настоящий пламенный революционер, а предатель, что моя тетушка - гоминьдановский шпион, несостоявшаяся невеста изменника, сожительница «каппутиста». Ну погоди же! Подобрал собачьего дерьма, я завернул его в листок и спрятал в руке. Подошел к нему и говорю: «Сяо Сячунь, что это у тебя кончик языка черный?» Тот, не ожидая подвоха, рот и разинул. Я ему туда то, что было в руке, запихнул, повернулся - и дёрю. Ясное дело, он меня не догнал. Во всей школе это никому не удавалось, кроме учителя Чэня.

Когда я увидел его в кедах учителя Чэня, с этим копьем и стартовым пистолетом за поясом - образчик низкого человека, упоенного успехом, да еще подчеркивавшего свое превосходство, - в душе смешались зависть и ненависть, и я решил приструнить его. Я знал, что он очень боится змей, но тогда уже стояла поздняя осень, и их нигде не найдешь. Под тутовым деревом у реки я нашел кусок гнилой веревки, скатал ее, спрятал за спиной, подкрался к нему и с криком «Ядовитая змея!» набросил ему на шею.

Сяо Сячунь с диким воплем отбросил копье и стал яростно срывать ее с шеи. Лишь разглядев, что перед ним всего лишь кусок гнилой веревки, он стал постепенно приходить в себя.

Он поднял копье и зашипел сквозь зубы:

– Вань Сяо Пао, контра этакая! Бей! – И подняв копье, ткнул им в мою сторону.

Я бежать.

Он за мной.

Когда мчишься по льду, всей сноровки не выразишь. Угнетал холодок страха, что это копье пронзит меня. Я знал, что этот паршивец заточил копье на точильном круге до невероятной остроты, знал также, какая у него злобная и коварная душонка, да и когда в руках у тебя острое оружие, желание убить усугубляется. Сяо Сячунь нередко ни с того ни с сего вонзал его в дерево, в мишень в форме человека, связанную из жгутов рисовой соломы, а не так давно заколол насмерть хряка, который только что спарился со свиноматкой. На бегу я то и дело оборачивался глянуть на него. Волосы торчком, глаза аж округлились, стоит ему догнать меня – и прощай моя жалкая жизнь.

Я бежал и бежал, вокруг людей, в проходах между ними. Один раз споткнулся и упал, а поднявшись, рванул прочь, потому что Сяо Сячунь чуть не попал в меня копьем. Копье вонзилось в лед, во все стороны полетели осколки. Он тоже споткнулся, но встал и побежал дальше. Встал и снова за мной. Я то и дело на кого-то налетал, на женщин, мужчин. «Экий медведь этот ребенок, чего толкаешься!» – «А-а!» – «Спасите!» – «Убивают!» – ворвавшись в одну из колонн, двигавшуюся под барабанный бой, я сбил их с ритма – у нескольких «подрывных элементов» упали колпаки – я кружил вокруг Чэнь Э, отца Чэнь Би, Ай Лянь, его матери – вокруг Юань Ляня, отца Юань Сая, он тоже теперь стал «каппутистом» – промчался мимо Ван Цзяо. Увидел лицо матушки, услышал, как она испуганно вскрикнула – увидел своего доброго друга Ван Ганя – за спиной послышался глухой стук, а потом истошный вопль Сяо Сячуна – только потом я узнал, что именно Ван Гань втихаря выставил ногу, и Сяо Сячунь растянулся носом в лед. Разбил себе все губы, еще повезло, что зубы остались целы. Поднявшись, Сяо Сячунь вознамерился отомстить Ван Ганю, но его перепугал Ван Цзяо, рыкнувший:

– Сяо Сячунь, ублюдок мелкий, только тронь Ван Ганя, мигом глаз выну! Наша семья – батраки в трех поколениях, пусть другие тебя боятся, но не я!

Народу уже собралось целое море. На шлюзе из досок и тростниковых циновок соорудили внушительный помост. В те годы в коммунах специально держали таких людей – помост соорудить или агитационный плакат повесить, незаурядных мастеров на все руки. На помосте наставили несколько десятков красных флагов, повесили транспаранты с белыми иероглифами на красном фоне, по углам установили на двух высоких шестах четыре огромных громкоговорителя. Когда мы пришли туда, из них уже раздавалась цитатная песнь[39 - Цитатные песни – подобранные под определенный мотив цитаты Мао Цзэдуна.]: «Истины марксизма непросты, но в конечном счете сводятся к одной фразе: „Бунт – дело правое!“»

Людно, шумно, по правде сказать, даже слишком. В этой толпе я старался пробиться вперед, чтобы оказаться поближе к сцене. Те, на кого я налетал, бесцеремонно пинали меня, совали кулаками, толкали локтями. Затратив уйму времени и усилий, взмокнув и получив немало синяков, в первый ряд я так и не пробрался, а наоборот, оказался оттесненным за пределы круга. Тут я услышал, как лед подозрительно затрещал, и в душе зародилось нехорошее предчувствие. В это время из громкоговорителей разнесся сиплый мужской голос – голосочек селезня, как говорится, – который рявкнул: «Начинаем массовое собрание по критике и разоблачениям. Беднейших крестьян и середняков прошу сохранять спокойствие. Те, кто в первом ряду, садись-садись...»

Я повернул к западному краю шлюза, там был склад из трех помещений, где хранились запасные шлюзовые ворота. Я зашел за склад и по швам кирпичной кладки, ухватившись за карниз, перекувырнулся и закатился наверх. Дополз до фланца черепицы, забрался на конек крыши и вытянул шею. Многотысячная толпа, бесчисленные красные знамена на ярко сверкающем льду – все было как на ладони. На западной стороне сцены пара десятков человек сидели на корточках, понуриив головы. Я знал, что это «уроды и нечисть» из нашей коммуны и что они ждут, когда их выведут на сцену, чтобы «вести с ними борьбу». Сяо Шанчунь громко вещал в микрофон. Этот незадачливый кладовщик ни сном ни духом представить не мог, что перед ним вдруг откроется карьера чиновника. С самого начала «культурной революции» он встал во главе цзаофаней[40 - Цзаофани (букв. смутьяны) – так называемые «идеологически твердолобые громилы», во время «культурной революции» действовали якобы по указанию левацких лидеров.], создал боевой отряд «Ураган» и назначил себя его

командующим.

Он щеголял в застиранном добела старом армейском френче с темными заплатами с красной повязкой на рукаве. Волосенки жидкие, плешь посверкивает под яркими лучами солнца. Научился у великих людей, которых мы видели в кино, произносить речи: говорит протяжно, одна рука на поясе, другая принимает в воздухе самые разнообразные положения. Усиленный громкоговорителями, его голос раскатывался оглушающими руладами. Толпа шумела, как разбивающиеся о скалы волны прибоя. Наверняка там были и любители побузить: стоило в одном месте успокоиться, как в другом снова поднимался шум. Я немного беспокоился за безопасность матушки и деревенских стариков и старался следить за ними. Но резал глаза отражавшийся ото льда солнечный свет. Ледяной ветер сзади продувал мою драную куртку на подкладке насквозь, было очень холодно.

Сяо Шанчунь махнул рукой. Стоявшие позади сцены десяток дюжих молодцов с длинными деревянными шестами и повязками «народная дружина» на рукавах спрыгнули со сцены, врезались в галдящую толпу и стали орудовать шестами и утихомиривать бузотеров. Привязанные на концах шестов кусочки красной материи плясали в воздухе, как факелы. Одному юнцу попало по голове, возмущенный, он ухватился за шест и вступил в спор с «дружинником», но получил удар кулаком в грудь. «Дружинники», невзирая на лица, действовали безжалостно, шесты мелькали повсюду, и все один за другим утихли. Громкоговорители разнесли хриплый вопль Сяо Шанчуня:

- Сесть всем! Сесть! Арестовать нарушителей порядка!

Один из «дружинников» схватил получившего кулаком юнца за волосы и вытащил из толпы. Народ подуспокоился, кто присел на корточки, кто уселся на лед, стоять не посмел никто. «Дружинники» со своими шестами распределились в толпе и стояли, как соломенные пугала в поле.

- Выводи «уродов и нечисть»! - скомандовал Сяо Шанчунь, и ждавшие этого приказа «дружинники» принялись по двое выволакивать этих людей на сцену, держа каждого так, что у того даже ноги не касались пола.

И тут я увидел тетушку.

Покорности в ней не было. «Дружинники» нагибали ей голову, но стоило им ослабить хватку, как она резко поднимала ее. Своим сопротивлением она вызывала еще более жестокое принуждение. В конце концов ударами ее свалили на сцену. Один «дружинник» поставил ногу ей на спину. Кто-то запрыгнул на сцену, призывая последовать его примеру, но ответом ему была тишина. Крикуну стало неловко, и он обескураженно спрыгнул обратно. Тут из толпы раздался пронзительный плач. Это разрыдалась моя матушка:

- Несчастливая моя сестренка... Скоты вы бессовестные...

По команде Сяо Шанчуня «уродов и нечисть» отвели под конвоем вниз, и на сцене осталась лишь тетушка. «Дружинник» по-прежнему стоял одной ногой у нее на спине в такой позе бесстрашного героя – иллюстрация популярного в то время лозунга «Свалить классового врага на землю и попирать его ногами»; тетушка лежала без движения, и я переживал, что она уже мертва. Плача матушки внизу тоже не слышалось, и я испугался, что она тоже неживая.

Спровоженные со сцены «уроды и нечисть» собрались под большим тополем под охраной нескольких «дружинников» с винтовками. Они сидели на земле, опустив головы, словно группа глиняных скульптур. Хуан Цюя сидела спиной к стене, откинувшись на нее головой, обритой наполовину, отвратительная и страшная. По слухам, когда все только началось, тетушка стала одним из основателей в системе здравоохранения «боевого отряда Бэтьюна». Действовала она со стопроцентной фанатичностью, бесцеремонно по отношению к главврачу, когда-то выступившему в ее защиту, а к Хуан Цюя была еще более беспощадной. Я понял, что на самом деле тетушка хотела таким способом выгородить себя, как человек, идущий ночью по дороге, громко горланит песни лишь потому, что в глубине души боится. Старый главврач, человек большой души, оказался не в силах терпеть унижения и бросился в колодец. Что до Хуан Цюя, она то ли из-за их с тетушкой антагонизма, то ли под принуждением, уличила ее в том, что та тайно вступала в контакт с изменником Ван Сяоти. Она заявила, что Вань Синь по ночам во сне часто звала его по имени. Рассказала также, что как-то дежурила в ночную смену и, вернувшись за чем-то в общежитие, обнаружила, что Вань Синь там нет. Она не знала, что и думать: одинокая женщина, куда она могла отправиться в глухую ночь? По ее словам, пока она так размышляла, у ивовой рощицы на берегу Цзяохэ взвились три красные ракеты, и вслед за этим она услышала высоко в небе гул самолета. Через некоторое время она увидела, как в общежитие скользнула чья-то тень, и по силуэту признала в этом человеке Вань Синь. Она немедленно доложила об этом главврачу, но этот «каппутист»

был с Вань Синь заодно и это дело замолчал. Она была уверена, что Вань Синь – гоминьдановский шпион. Одного этого разоблачения было достаточно, чтобы погубить тетушку, но она тут же раскрыла и второе дело, заявив, что тетушка неоднократно ездила в уездный город, чтобы сожительствовать с «каппутистом» Ян Линем. Больше того, она забеременела и аборт сделала себе сама. Богатые творческие силы кроются в народе, а еще в нем кроются гнусные фантазии. Раскрытые Хуан Цюя, эти два серьезных преступления тетушки в громадной степени удовлетворили психологические потребности людей, к тому же тетушка вины не признавала и всякий раз давала отпор, из-за чего собрания по разоблачению и критике проходили живо и впечатляюще, становились гнусным праздником для земляков-дунбэйцев.

Я смотрел сверху на уродливую голову Хуан Цюя, и душа наполнилась ненавистью, а также состраданием вместе с замешательством, страхом и горем. Отодрав с крыши плитку черепицы, я нацелился в Хуан Цюя. Стоило ослабить руку, и черепица полетела бы в ее наполовину обритую голову. Но мешкал я довольно долго и в конце концов так ничего и не сделал. Много лет спустя я поведал об этом тетушке, и она сказала: «Спасибо, что ты не ослабил руку, иначе моя вина стала бы еще тяжелее». С годами тетушка всегда признавала себя виноватой, у нее это была не просто вина, а тягчайшее преступление, искупить которое невозможно. Я-то считал, что она слишком много на себя берет: в то время, чтобы поменять любого человека, не обязательно было быть лучше ее. «Ничего ты не понимаешь...» – горестно проговорила тетушка.

На сцену под руки вывели Ян Линя, и нога с тетушкиной спины убралась. Ее подняли и поставили бок о бок с Ян Линем, нагнув голову, согнув спину и вытянув руки за спину, как крылья у самолета «Цзянь-5», который пилотировал Ван Сяоти. Я смотрел на большой лысый череп Ян Линя. А ведь еще полгода назад этот человек был недосыгаем, как божество, и мы в душе еще надеялись, что тетушка сможет вступить с ним в счастливый брак, хоть он был и старше ее на двадцать с лишним лет, хотя, выйдя за него, она заняла бы место его умершей жены. Но ведь он был секретарь уездного парткома, ответственный партийный работник высокого ранга, который получал ежемесячно более ста юаней, разъезжал по деревням на джипе цвета хаки, большим человеком, за которым следовали секретарь и охранник! Через много лет тетушка рассказала, что на самом деле она и виделась с ним всего один раз. «Хоть мне и не нравился его огромный живот, как у беременной женщины на восьмом месяце, хотя я терпеть не могла, что изо рта у него разит чесноком, – по сути дела, он тоже был деревенщина, – но в душе все же была согласна выйти за него. Из-за вас, из-за этой семьи я была готова выйти за него. На другой день после того, как я

съездила в уезд встретиться с Ян Линем, в здравпункт с инспекцией заявился партсекретарь коммуны Цинь Шань. В сопровождении главврача он прошел в гинекологическое отделение, подобострастно разулыбался, льстивых речей наговорил, холуй, да и только. Прежде был такой важный, заносчивый, а тут в мгновение ока переменился, и от его угодливой физиономии каких только переживаний я не испытала. Только из-за этих подлецов, думающих лишь о собственной выгоде, и то вышла бы за него, если бы не „культурная революция“...»

Подскочившая маленькая и толстенькая хунвейбинка с двумя парами поношенных туфель в руках повесила одну пару на шею Ян Линю, а другую – тетушке. «Контрреволюционерка, шпионка – эти обвинения еще можно вынести, – рассказывала впоследствии тетушка, – но чтобы тебя обзывали „дранные туфли“ [41 - «Дранные туфли» – так в Китае называют женщин легкого поведения.] – никогда. Это же позор, да еще высосано из пальца!» Тетушка тут же эти туфли скинула и с силой отшвырнула прочь. И те, словно у них глаза выросли, упали прямо на лицо Хуан Цюя.

Хунвейбинка подпрыгнула, ухватила тетушку за волосы и с силой потянула вниз. Тетушка держала голову и не поддавалась. Да склони ты голову, тетушка, оторвут ведь тебе волосы вместе с кожей! В пухлой девице цзиней сто весу, тянет твои волосы обеими руками, уже чуть не повисла на тебе. Тетушка мотнула головой, как норовистая лошадь гривой, – и девица, сжимая в руках две пряди волос, свалилась на сцену. На голове тетушки выступила кровь – у нее до сей поры остались два шрамика размером со старинную медную монету, – струйки крови побежали на лоб, на уши. Но она оставалась стоять прямо. Под сценой стояла мертвая тишина, разнесся лишь мощный крик запряженного в повозку осла. Плача матушки было не слышать, и в душе у меня захолонуло.

Тут эта Хуан Цюя подняла валяющуюся перед ней пару туфель и быстрой поступью забралась на сцену. Полагаю, она не понимала, что там произошло, иначе никак не стала бы этого делать. Выйдя на передок сцены, она замерла. Швырнула туфли и, что-то пробормотав, стала шаг за шагом отступать. С сердитым криком «Ну ты, Вань Синь, совсем распоясалась!» на сцену широким шагом вошел Сяо Шанчунь. Размахивая рукой, он сам выкрикивал лозунги, пытаясь изменить атмосферу собрания, вывести его из этого тупика, но внизу никто не откликнулся. Пухлая хунвейбинка отшвырнула зажатые в руках пряди волос, словно змей, заревела и, спотыкаясь, бегом бросилась со сцены.

– Стоять! – рявкнул Сяо Шанчунь отступавшей со сцены Хуан Цюя, указывая на валяющиеся туфли. – А ну, повесь-ка их ей на шею!

Алая кровь стекала с ушей тетушки на шею и по бровям в глаза. Она подняла руку и вытерла лицо.

Подобрав туфли, Хуан Цюя робко приблизилась к тетушке. Но подняв на нее глаза, издала дикий вопль, изо рта у нее пошла пена, и она упала навзничь.

Подбежавшие хунвейбины оттащили ее со сцены, как дохлую собаку.

Схватив Ян Линя за ворот, Сяо Шанчунь заставил его выпрямиться.

Тот стоял, руки болтаются, ноги колесом, все тело расслабленно. Казалось, отпусти Сяо Шанчунь руку, и он рухнет на сцену.

– Упорствуя до конца, Вань Синь загоняет себя в тупик! – сказал Сяо Шанчунь. – Коли она не признается, давай признавайся ты. К признавшему вину проявляется великодушие, те, кто не признается, будут строго наказаны! Говори, вступали вы во внебрачную связь?

Ян Линь молчал.

По знаку Сяо Шанчуна подошел здоровенный верзила и, орудуя обеими руками, надавал Ян Линю десяток оплеух. Звуки звонких ударов достигали верхушек деревьев. На сцену упали какие-то белые штуковины. Я догадался, что это зубы. Тело Ян Линя раскачивалось, было видно, что он сейчас упадет, но верзила ухватил его за воротник.

– Говори, вступали или нет?!

– Вступали...

– Сколько раз вступали?

– Один раз...

- Правду говори!

- Два раза...

- Неправду говоришь!

- Три раза... Четыре... Десять... Много раз... Точно не помню...

С пронзительным визгом, от которого волосы дыбом встали, тетушка бросилась на Ян Линя, как львица на добычу. Тот рухнул на сцену, а тетушка что было силы вцепилась ему в лицо... Нескольким дюжим «дружинникам» пришлось приложить немало сил, прежде чем им удалось оттащить ее от Ян Линя.

В это время над поверхностью озера разнесся странный звук, лед стал трескаться, и многие оказались в ледяной воде.

Часть вторая

Уважаемый господин Йошихито Сугитани,

Я растроган и исполнен раскаяния в связи с тем, что Вы потратили столько вашего драгоценного времени и терпеливо прочли до конца мое длинное письмо, которое я писал с перерывами два месяца и из экономии отправил бандеролью, а также придали мне своим признанием столько вдохновения.

Мной овладели самые различные чувства, потому что в письме я упомянул про Сугитани, командующего гарнизоном японской армии в Пинду во время вторжения Японии в Китай, а это, как выяснилось, Ваш отец. В связи с этим Вы от имени уже покойного отца попросили прощения у моей тетушки, нашей семьи и всех наших земляков, Ваше отношение к верному взгляду на историю, Ваш настрой не бояться взять на себя ответственность глубоко тронули нас. Вообще-то Вы тоже пострадали от войны. В письме Вы упоминаете о том, как Вы с матерью жили в страхе во время войны и в голоде и холоде после нее. На самом деле Ваш отец тоже пострадал от войны. Если бы не война, как Вы говорите,

перед ним открывалась бы блестящая карьера хирурга. Война изменила его судьбу, изменила его характер, из человека спасающего сделала его человеком убивающим.

Ваше письмо я прочитал тетушке, отцу и многим другим, кто прошел у нас здесь через войну. Когда я закончил читать, все были в слезах и без конца вздыхали. Когда Ваш отец находился в Пинду, Вам было всего четыре-пять лет, и у Вас нет оснований нести ответственность за совершенные им в Пинду преступления. Но Вы взяли ее на себя, Вы смело взвалили на свои плечи совершенные поколением отцов злодеяния, а кроме того, хотите приложить все усилия, чтобы искупить эту вину. От этого Вашего стремления взять все на себя болит душа, но мы понимаем, что подобный дух дорогого стоит, ведь такого в современном мире больше всего и не хватает. Если бы каждый смог трезво оценить историю, задуматься о самом себе, человечество могло бы избежать многих глупостей.

Тетушка, отец и мои земляки были бы очень рады вновь увидеть Вас в гостях в нашем дунбэйском Гаоми. Тетушка говорит, что хотела бы съездить с Вами на экскурсию в Пинду. Еще она сказала мне по секрету, что Ваш батюшка не произвел на нее плохого впечатления. Среди офицеров японской оккупационной армии наверняка были злодеи, жестокие и бесчеловечные, но были и воспитанные, вежливые люди, как Ваш батюшка. О нем тетушка выразилась так: не такой плохой человек среди многих плохих.

Я вернулся в Гаоми в начале июня, пробыл здесь уже месяц с лишним и за это время провел кое-какие социальные исследования, чтобы подготовиться к написанию пьесы о тетушке. Одновременно по Вашей просьбе продолжаю рассказывать Вам о ней в форме писем. По Вашему наказу стараюсь по мере возможности включать в эти письма кое-что пережитое мной самим.

Тетушка и отец просят передать от них привет Вам и Вашей семье!

Земляки из дунбэйского Гаоми будут рады Вас видеть!

Кэдоу

Июль 2003 года, Гаоми

Седьмого июля тысяча девятьсот семьдесят девятого года, сенсей, – день моей свадьбы. С моей невестой Ван Жэньмэй мы учились вместе в начальной школе. С длинными журавлиными ногами, как я. Как увидел ее длинные ноги, сердце так и затрепыхалось. Мне было восемнадцать, когда я пошел по воду и встретил ее у колодца. Она упустила туда ведро и, переживая, ходила вокруг. Я встал на край колодца на колени и помог ей выловить его. В тот день мне повезло, вытащил с первого раза.

– Эй, Сяо Пао, – восхищенно вздохнула она. – Да ты просто спец по вылавливанию ведер! – В то время она работала в начальной школе, подменяла учителя физкультуры. Высокая, с длинной тонкой шеей, головка небольшая, две косички сзади.

– Ван Жэньмэй, – запинаясь проговорил я, – хочу вот что тебе сказать.

– Что же это, интересно?

– Ван Дань с Чэнь Би любят друг друга, знаешь?

На миг она застыла, а потом вдруг расхохоталась.

– Полную чушь ты городишь, Сяо Пао, – продолжала смеяться она. – Ван Дань такая малюсенькая, а Чэнь Би что твой жеребец заморский, как они могут поладить? – Потом, будто о чем-то вспомнив, залилась краской и аж согнулась от смеха.

– Правду говорю, – с серьезным видом сказал я. – Чтоб мне последней собакой быть, если вру! Своими глазами видел.

– Что же ты такое видел? – спросила Ван Жэньмэй.

Я понизил голос:

– Тебе скажу, только смотри другим не передавай. Так вот, вчера вечером выхожу я от учетчика, иду по дороге и, поравнявшись с кучей соломы, что на краю гумна, слышу голоса. Подкрался, прислушался, а это Чэнь Би с Ван Дань воркуют. Ван Дань говорит: «Брат Чэнь Би, ты не переживай, я хоть росточком не вышла, изъянов у меня никаких нет, обязательно рожу тебе большого сыночка».

Тут Ван Жэньмэй снова согнулась от смеха.

– Ну ты слушаешь, нет?

– Слушаю, слушаю, говори быстрее, дальше-то что? Потом-то они что делали?

– Потом они, похоже, целовались.

– Ерунда! – воскликнула Ван Жэньмэй. – Как это целовались?

– Неужели мне обязательно дурачить тебя надо? – рассердился я. – Как целовались? Да уж нашли, наверное, как! Может, Чэнь Би взял Ван Дань на руки, как ребенка, как исхитрились, так и целовались!

Ван Жэньмэй опять покраснела:

– Ну ты, Сяо Пао, и безобразник! И Чэнь Би тоже!

– Ван Жэньмэй, даже Чэнь Би с Ван Дань любовь крутят, почему бы и нам не стать друзьями?

Она замерла, потом вдруг улыбнулась:

– С чего это ты со мной подружиться захотел?

– У тебя ноги длинные, и у меня тоже. Моя тетушка говорит, что если мы поженимся, ребеночек у нас тоже непременно будет длинноногий. И мы сможем из нашего длинноножки чемпиона мира вырастить.

– Ну и гораздо шутки шутить твоя тетушка! – засмеялась Ван Жэньмэй. – Не только стерилизацией занимается, а еще и свахой подвизается! – И, подхватив ведра, пошла прочь. Шла она широким шагом, стремительно, коромысло подрагивало, ведра плясали вверх-вниз, будто взлететь хотели.

Потом я пошел в армию и уехал из родных мест. Через пару лет до меня дошли слухи, что она помолвлена с Сяо Сячунем. Сяо Сячунь работал в сельскохозяйственной средней школе, подменял учителя языка и литературы. Он написал эссе «Ода углю», и его напечатали в приложении к газете «Дачжун жибао». У нас в Дунбэе это вызвало целую сенсацию. От этих новостей я очень расстроился. Мы, кто тогда уголь ел, никаких «Од углю» не написали, а Сяо Сячунь, который его не ел, написал. Похоже, Ван Жэньмэй правильный выбор сделала.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Досл. «лягушачье кваканье».

2

Кан – отапливаемая лежанка в традиционном китайском доме.

3

Цзинь – мера веса, 0,5 кг.

4

То есть до 1949 года, когда в Китае победили коммунисты.

5

Му – мера площади, 1/15 га.

6

«Править недеянием» – один из конфуцианских принципов, руководство народом одним лишь собственным примером.

7

Восьмая армия – значительное военное соединение времен антияпонской войны (1937–1945) и последующего военного противостояния с силами националистов (1946–1949) под контролем коммунистов.

8

Норман Бэтьюн (1890–1939) – канадский врач, во время антияпонской войны лечил больных крестьян и раненых бойцов Восьмой армии. Его преданностью китайскому народу восхищался Мао Цзэдун.

9

«Неофициальная история конфуцианцев» – китайский роман XVIII века, первое значительное произведение китайской литературы в жанре реалистической социальной сатиры.

10

«Троецарствие» – один из классических китайских романов.

11

Народный политический консультативный совет – совещательный орган при руководстве КНР, в который входят представители КПК, других партий, общественных организаций, деловых кругов, китайских диаспор за рубежом, видные общественные деятели.

12

С этим иероглифом имя Сяо Шанчуня стало значить «очень чистый».

13

Дуаньян – праздник Драконовых лодок, отмечается в пятый день пятого лунного месяца.

14

Чи – мера длины, ок. 30 см.

15

Чжан – мера длины, ок. 3,2 м.

16

Цилинь – мифический зверь, изображаемый в виде однорогого оленя, покрытого пластинами, как носорог; считается предвестником счастливых событий, дарует детей бездетным супругам.

17

Шэньши – одно из сословий старого Китая, семьи сдавших экзамены и получивших государственные должности, зд. деревенский интеллигент.

18

Желтопузый – презрительная кличка солдат китайских соединений японской армии.

19

Сражение между националистами и коммунистами в 1947 году в провинции Шаньдун.

20

Чжан Линфу (1903–1947) – генерал гоминьдановской армии, успешно сражавшийся против коммунистов и японцев.

21

Цзянь (сокр. от цзяньцзици – истребитель) – элемент названий всех моделей китайских истребителей.

22

Раньше в Китае окна закрывали промасленной бумагой.

23

Волосатик (лаомаоцзы) – историческое презрительное прозвание русских (из-за бород).

24

Дракон среди людей – человек высоких качеств, который держится в тени, не желая занять высокий пост.

25

Образное выражение для очень красивой женщины, стихотворения или образца каллиграфии.

26

«Маотай» – самая известная и дорогая марка китайской водки.

27

Мао – 10 фэней, гривенник.

28

Коу (кит.) – рот.

29

Лян – мера веса, ок. 37 г.

30

«Правые элементы» – многолетняя травля «буржуазных правых элементов» началась в 1958 году сразу после окончания кратковременной, но широкомасштабной кампании за гласность и критику, развернутой в начале 1957 года под лозунгом «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают тысячи ученых».

31

Цинмин – день поминовения усопших.

32

Часть поговорки «Женщины держат половину неба».

33

Цитата из выступления Мао Цзэдуна на заседании Госсовета в феврале 1957 года.

34

Куайбань – частушки, исполняемые под аккомпанемент бамбуковых дощечек.

35

Ревкомы – органы власти из представителей народа, партии и армии, созданные в КНР в 1967 году вместо разогнанного партийного руководства. Отменены в 1978 году.

36

Движение 4 мая 1919 года – массовое антиимпериалистическое движение в Китае, обозначило массовую переориентацию с традиционной культуры на вестернизацию.

37

Путунхуа – букв. общепринятая речь; название общенационального китайского языка, основанного на пекинском диалекте (принят в 1955 году).

38

«Каппутист» (то есть идущий по капиталистическому пути развития) – политический ярлык времен «культурной революции».

39

Цитатные песни – подобранные под определенный мотив цитаты Мао Цзэдуна.

40

Цзаофани (букв. смутьяны) – так называемые «идеологически твердолобые громилы», во время «культурной революции» действовали якобы по указанию левацких лидеров.

41

«Дранные туфли» – так в Китае называют женщин легкого поведения.

Купить: https://telnovel.me/ru/yan-_mo/lyagushki

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)